

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Дэшил
Хэммет

МАЛЬТИЙСКИЙ
СОКОЛ
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

« А З Б У К А »

18+

Классика детектива. Большие книги

Дэшил Хэммет

**Мальтийский сокол
и другие истории**

«Азбука»

2026

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хэммет Д.

Мальтийский сокол и другие истории / Д. Хэммет — «Азбука»,
2026 — (Классика детектива. Большие книги)

ISBN 978-5-389-34818-9

Дэшил Хэммет – создатель уникального направления «крутой детектив», вскоре ставшего классическим в каноне американской литературы. В детективное агентство «Спейд и Арчер» обращается женщина, которая хочет вернуть сбежавшую с любовником сестру. Арчер берется помочь ей и в тот же вечер погибает. Полиция подозревает в убийстве Сэма Спейда. Сыщик вынужден взяться за выяснение причины гибели своего компаньона, и очень скоро расследование осложняется новыми обстоятельствами. Одно из них – появление охотников за сокровищем, за невероятно дорогой антикварной статуэткой, причинившей своим прежним владельцам крупные неприятности, вплоть до преждевременного ухода из жизни. Несколько произведений, вошедших в этот сборник, и в том числе заглавный роман публикуются в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-34818-9

© Хэммет Д., 2026
© Азбука, 2026

Содержание

Мальтийский сокол	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	51
Глава 9	56
Глава 10	61
Глава 11	68
Глава 12	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дэшил Хэммет
Мальтийский сокол и другие истории
Роман, повести, рассказы

© А. Бударов, перевод, 2026
© В. Ватик, перевод, 1996
© Д. В. Вознякевич (наследник), перевод, 2011
© Е. Ю. Калявина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление

* * *

**КЛАССИКА
ДЕТЕКТИВА**

Дэшил Хэммет

МАЛЬТИЙСКИЙ
СОКОЛ
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Санкт-Петербург

Мальтийский сокол

Из цикла «Частный детектив Сэм Спейд»

Глава 1

Детективное агентство «Спейд и Арчер»

Нижняя челюсть Спейда была костистой и вытянутой, подбородок заглавной латинской «V» выпирал под более округлой строчной «v» рта. Ноздри, вырезанные треугольником, образовывали еще один вариант той же литеры, но меньшего размера. Желто-серые глаза суживались до двух черточек. V-образный мотив повторяли клочковатые брови, поднимавшиеся от двух вертикальных складок над крючковатым носом, и светло-русый клинышек волос надо лбом, обрамленный парой залысин над висками. Словом, этакий Мефистофель с поправкой на блондинистую масть.

– Да, радость моя? – обратился он к Эффи Перин – длинноногой загорелой девушке в коричневом платье из тонкой шерсти, которое облепляло ее фигуру, точно мокрое. Ее карие глаза задорно сверкали на мальчишеском личике.

Эффи закрыла дверь поплотнее, прислонилась к ней спиной и сказала:

– К тебе девушка. Назвалась Уондерли.

– Клиентка?

– Думаю, да. Тебе в любом случае стоит на нее посмотреть – сногшибательная красотка.

– Сию минуту тащи ее сюда, дорогая, – сказал Спейд. – Сию же минуту.

Эффи снова открыла дверь, вышла в приемную и, не выпуская дверную ручку, пригласила:

– Прошу вас, мисс Уондерли.

Чей-то голос произнес «спасибо» так тихо, что разобрать можно было только благодаря отличной дикции говорившей, и на пороге появилась молодая женщина. Медленно, даже опасно, она подошла ближе, глядя на Спейда кобальтово-синими глазами – застенчиво и в то же время испытующе.

Она была высокой и прекрасно сложенной – в гибкой ее фигуре не было ни малейшего намека на угловатость. Красивая осанка, высокая грудь, длинные ноги, узкие ступни, изящные запястья. Одежду она выбрала двух оттенков синего – явно под цвет глаз. Темно-рыжие кудри, выбивающиеся из-под синей шляпки, ярко-красные полные губы, белые зубы, сверкнувшие в полумесяце ее робкой улыбки, довершали картину.

Спейд встал, неловко поклонился и тостопалой ручищей указал даме на дубовое полукресло сбоку от стола. Росту в Спейде было добрых шесть футов. Могучие покатые плечи придавали его телу почти коническую форму, из-за чего свежееутюженный серый пиджак сидел на нем неважно.

Мисс Уондерли прошелестела «спасибо» еще тише, чем в прошлый раз, и примостилась на самом краешке деревянного сиденья.

Спейд погрузился в свое вращающееся кресло, крутанул на нем в четверть оборота, чтобы сидеть лицом к посетительнице, растянул сомкнутые губы, изобразив вежливую улыбку. Все литеры «V» на его лице обозначились еще отчетливее.

Сквозь закрытую дверь слышался стук печатной машинки, тоненькие звоночки и приглушенное жужжание, когда Эффи Перин сдвигала каретку. Где-то в соседнем офисе глухо гудел какой-то механический агрегат. В латунной пепельнице, полной скукоженных бычков, дотлевал очередной смятый окуроч. Неопрятные серые хлопья пепла усеивали и желтую поверх-

ность стола, и зеленое пресс-папье, и валявшиеся повсюду бумаги. Окно, занавешенное желтой шторой, было приоткрыто дюймов на восемь-десять, и со двора в комнату проникал воздух с легким запахом аммиака. Поток воздуха шевелил и сдувал кучки пепла на столе.

Мисс Уондерли наблюдала, как подергиваются и ползут пепельные хлопья. Глаза у нее были беспокойные. Девушка сидела на самом краю кресла, а ноги ее крепко упирались в пол, будто готова вскочить. Руки в темных перчатках вцепились в черный ридикуль, лежавший у нее на коленях.

Спейд откинулся на спинку кресла и спросил:

– Итак, что я могу для вас сделать, мисс Уондерли?

– А вы можете?.. Я подумала... я... то есть... – Тут она закусилла нижнюю губу белоснежными зубками и замолчала. Только темно-синие глаза ее говорили – взывали о помощи.

Спейд улыбнулся ей и кивнул – понимающе и доброжелательно, как будто ничего серьезного не происходило.

– Давайте-ка вы расскажете мне все с самого начала, и мы решим, что нужно сделать. И начните максимально издалека.

– Все началось в Нью-Йорке.

– Так...

– Не знаю, где она с ним познакомилась. То есть где именно в Нью-Йорке. Она младше меня на пять лет, ей всего семнадцать, и у нас совершенно разный круг общения. Хоть мы и сестры, но никогда не были особенно близки. Папа с мамой в Европе. Это их убьет. Я должна вернуть ее до того, как они приедут.

– Понимаю, – сказал он.

– Они будут дома где-то в начале месяца.

Глаза Спейда блеснули.

– Значит, у нас есть две недели, – сказал он.

– Я не знала, что она натворила, пока от нее не пришло письмо. Я просто не находила себе места. – Губы ее дрожали. Руки теребили сумочку, лежавшую на коленях. – Я боялась идти в полицию – вдруг сестра замешана в чем-то серьезном – и дома не могла усидеть от страха за нее. Мне было совершенно не с кем посоветоваться. Я не знала, как быть. Что я могла поделать?

– Ничего, разумеется, – сказал Спейд. – Но тут от нее пришло письмо?

– Да, и я дала ей телеграмму, умоляя вернуться домой. Послала в Сан-Франциско «до востребования». Другого адреса она мне не оставила. Я прождала всю неделю, но ни словечка в ответ. А время приезда родителей все приближалось, поэтому я отправилась за ней сюда. Письмом я предупредила ее об этом. Наверное, не стоило, как вы думаете?

– Может, и не стоило. Порой нелегко решить, что делать. Вы не нашли ее?

– Нет, не нашла. В письме я сообщила, что поселюсь в отеле «Сент-Марк», и умоляла прийти ко мне – просто поговорить, даже если она не собирается возвращаться домой. Но она не появилась. Прошло уже три дня, но она так и не пришла и никак не дала о себе знать.

Голова блондинистого Мефистофеля сочувственно качнулась, он нахмурился и поджал губы.

– Это было ужасно, – вымучено улыбнулась мисс Уондерли. – Я не могла сидеть и ждать у моря погоды, не зная, что с моей сестрой, что могло с ней случиться. – Она перестала давить из себя улыбку и поежилась. – Единственный известный мне адрес – «Главпочтамт, до востребования», поэтому я написала сестре еще одно письмо и пошла на почту. Прождав дотемна, я так ее и не увидела. Сегодня утром пошла туда снова, но Коринна не появилась, зато я встретила Флойда Тёрсби.

Спейд снова кивнул. Но хмуриться перестал. Взгляд его выражал предельное внимание.

– Тёрсби не сказал мне, где Коринна, – продолжала девушка упавшим голосом. – Сказал только, что она жива и здорова. Но как я могу ему верить? Ведь он сказал бы это в любом случае, так ведь?

– Да уж, – согласился Спейд. – Но, может, он не солгал?

– Я очень надеюсь. Очень-очень! – воскликнула она. – Но не могу вернуться домой, не повидавшись с ней! Мне бы хоть по телефону с ней поговорить! Он наотрез отказался отвести меня к ней. Сказал – она не желает меня видеть. Я в это не верю. Он пообещал рассказать Коринне, что встретил меня, обещал привести ее ко мне в отель – если она согласится, конечно. Но предупредил: он заранее знает, что она не согласится. Сказал, что в таком случае придет один, и...

Внезапно открылась дверь – мисс Уондерли вздрогнула и умолкла, прикрыв рот рукой.

* * *

– Ох, прошу прощения! – сказал человек, шагнувший было через порог. Он торопливо сдернул с головы коричневую шляпу и попятился.

– Все в порядке, Майлз, заходи, – сказал Спейд. – Мисс Уондерли, это мой коллега мистер Арчер.

Майлз Арчер снова вошел в кабинет, закрыл за собой дверь и с улыбкой кивнул мисс Уондерли, сделав шляпой неопределенный приветственный жест. Он был среднего роста, крепкий, широкоплечий, с веселой красной физиономией, внушительным подбородком, борцовским загривком и сединой в коротко стриженных волосах. Если Спейду было лет тридцать с небольшим, то Арчеру явно перевалило за сорок.

Спейд изложил ему суть дела:

– Сестра мисс Уондерли сбежала из Нью-Йорка с неким Флойдом Тёрсби. Они здесь. Мисс Уондерли виделась с Тёрсби, и на сегодняшний вечер у них назначена встреча. Возможно, он приведет с собой сестру мисс Уондерли. Но скорее всего – нет. Мисс Уондерли хочет, чтобы мы разыскали ее сестру, забрали у Тёрсби и вернули домой. – Он посмотрел на мисс Уондерли. – Верно?

– Да, – пролепетала она. Застенчивость, которая постепенно отступила благодаря ободряющим улыбкам, кивкам и заверениям Спейда, снова окрасила румянцем ее лицо. Она уставилась на свой многострадальный ридикюль, ковыряя замочек пальцем в перчатке.

Спейд подмигнул компаньону.

Майлз Арчер шагнул вперед и встал у противоположного угла стола. Пока девушка разглядывала свою сумочку, он беспрепятственно разглядывал девушку. Его маленькие карие глазки окинули ее всю: от потупившегося лица до ног и обратно. Затем он взглянул на Спейда и беззвучно изобразил губами, будто присвистывает в знак одобрения.

Спейд предупреждающе поднял два пальца, не отрывая руки от подлокотника, и сказал:

– Думаю, особых сложностей не возникнет. Надо просто засечь парня в отеле, а когда он выйдет оттуда, проследить за ним, пока он не приведет нас к вашей сестре. Если же она придет вместе с ним и вы убедите ее вернуться с вами домой – тем лучше. В противном случае – если она придет, но предпочтет остаться с Тёрсби, – что ж... Найдем способ как-то это разрулить.

– Ага, – хриплым басом поддакнул Арчер.

Мисс Уондерли метнула на Спейда взгляд и нахмурила брови, отчего на ее переносице образовались две морщинки.

– Да, но будьте очень осторожны! – Голос ее срывался, губы нервно подергивались, произнося слова. – Я до смерти его боюсь, он на все способен. Она же совсем еще девочка, и то, что он привез ее с собой в Нью-Йорк, это ведь очень серьезно... А вдруг он... Вдруг он сделает с ней что-нибудь?

Спейд усмехнулся и хлопнул по подлокотникам своего кресла.

– Предоставьте это нам, – сказал он. – Мы найдем на него управу.

– Но вдруг он все-таки что-то сделает? – настаивала она.

– Такую вероятность исключать нельзя, – рассудительно кивнул Спейд. – Однако можете нам довериться, мы сделаем все, что в наших силах.

– Я вам доверяю, – искренне сказала она. – Но хочу вас предупредить: он очень опасен. Я действительно считаю, что он ни перед чем не остановится. И я уверена, что он не раздумывая... убьет Коринну, если решит, что ему угрожает опасность. Может такое случиться?

– Вы ведь ему не угрожали?

– Я только сказала, что хочу забрать ее домой до возвращения мамы и папы, чтобы они никогда не узнали о ее выходке. Я пообещала ему, что ни словом не обмолвлюсь об этом, если он мне поможет, но если нет – папа, конечно, сделает все, чтобы наказать его. И он... вообще-то, я думаю, он мне поверил.

– А может он замять дело, женившись на ней?

Девушка вспыхнула и смущенно ответила:

– В Англии у него жена и трое детей. Коринна мне написала об этом, чтобы объяснить свой тайный побег.

– Ну, жены – это у них обычное дело, – заметил Спейд. – Хотя не обязательно в Англии. – Он потянулся за карандашом и листком бумаги. – Опишите его.

– Ему лет тридцать пять, роста примерно вашего. Смуглый – не то от природы, не то очень загорелый. Волосы темные. Разговаривает громко, отрывисто. Нервный, раздражительный. От него веет такой... жестокостью.

Не отрывая взгляда от листка, на котором писал, Спейд спросил:

– Цвет глаз?

– Серо-голубые, водянистые, однако взгляд решительный. И еще – ах да – у него заметная ямка на подбородке.

– Телосложение – худощавое, среднее, плотное?

– Довольно крепкое. Плечи широкие, держится прямо, у него, что называется, военная выправка. Сегодня утром, когда мы встретились, на нем был светло-серый костюм и серая шляпа.

– Чем он зарабатывает на жизнь? – спросил Спейд и положил карандаш.

– Не знаю, – ответила она. – Не имею ни малейшего представления.

– В котором часу он обещал к вам прийти?

– После восьми вечера.

– Хорошо, мисс Уондерли, там его будет ждать наш человек. Было бы неплохо, если...

– Мистер Спейд! Или мистер Арчер! – Она умоляюще протянула к ним руки. – А не мог бы кто-то из вас лично заняться этим делом? Я не сомневаюсь, что ваш сотрудник – человек способный, но я так... так боюсь за Коринну! Как бы с ней чего-нибудь не случилось! Я так боюсь его! Пожалуйста, возьмитесь сами за это! Конечно, я понимаю, что это будет стоить дороже... – Нервными пальцами она открыла сумочку, вытащила оттуда две сто долларовые банкноты и положила на стол перед Спейдом. – Этого хватит?

– Ага, – сказал Арчер. – Я сам этим займусь.

Мисс Уондерли вскочила и с чувством пожала ему руку.

– Спасибо! Спасибо вам! – воскликнула она и затем протянула руку Спейду и повторила: – Спасибо!

– Не за что, – ответил Спейд. – Рады помочь. Было бы неплохо, если бы вы лично встретили Тёрсби внизу или появились вместе с ним в холле хотя бы ненадолго.

– Так и сделаю, – пообещала она и снова принялась благодарить обоих детективов.

– И не ищите меня глазами, – предупредил ее Арчер. – Я и так вас увижу.

* * *

Спейд проводил мисс Уондерли к выходу в коридор. Когда он вернулся за свой стол, Арчер кивнул на стодолларовые купюры.

– Хороши, – благодушно проворчал он, взял одну из них, сложил и засунул в карман жилета. – А в сумочке у нее лежат их родные сестрицы.

Прежде чем сесть, Спейд спрятал в карман вторую купюру. А потом сказал:

– Ну, ты там не слишком хвост перед ней распускай. Как она тебе, кстати?

– Прелесть! А ты еще не велишь мне распускать хвост! – Арчер вдруг невесело хохотнул. – Может, ты и увидел ее первый, но зато я первый на нее глаз положил. – Засунув руки в карманы, он раскачивался с пяток на носки.

– Ты с ней еще хлебнешь лиха, вот увидишь, – по-волчьи оскалился Спейд, отчего стали видны десны. – Но у тебя ведь своя голова на плечах. – И он принялся сворачивать сигарету.

Глава 2

Смерть в тумане

В крошечном мраке зазвонил телефон. После третьего звонка закрипели кроватьные пружины, пальцы пошарили по дереву, на ковер со стуком упало что-то маленькое и тяжелое, пружины скрипнули снова, и мужской голос произнес:

– Алло! Да, это я... Убит?... Да... Через пятнадцать минут. Спасибо, что сообщил.

Щелкнул выключатель, и белая чаша, подвешенная к центру потолка на трех золоченых цепочках, залила комнату светом. Спейд – босой, в бело-зеленой клетчатой пижаме – сидел на краю кровати. Он хмуро покосился на телефонный аппарат на столе и взял лежавшие рядом с ним пачку папиросной бумаги и коробку табака «Булл Дарем».

Сквозь два открытых окна в комнату врвался холодный мглистый воздух. Со стороны Алькатраса каждые десять секунд глухо взывала противотуманная сирена. Будильник-дрезгун, неустойчиво поставленный на угол книги Томаса Дьюка «Знаменитые уголовные дела Америки», смотрел циферблатом в стол. Стрелки его показывали пять минут третьего.

Толстые пальцы Спейда сворачивали сигарету с нарочитой тщательностью: на изогнутую должным образом бумагу насыпали щепотку табаку, распределяя коричневые хлопья равномерно на концах с небольшой выемкой посередине. Затем большие пальцы завернули внутренний край бумажки под внешний край, прижатый указательными пальцами, и, скользнув к краям бумажного цилиндра, удерживали его, пока язык облизывал клапан. Наконец большой и указательный пальцы левой руки зацепили кончик со своей стороны, а большой и указательный правой тем временем разгладили влажный шов. Большой и указательный пальцы правой руки скрутили один конец папиросы, а другой поднесли ко рту Спейда.

Он поднял с пола никелированную зажигалку, обтянутую свиной кожей, щелкнул ею и встал, зажав горящую сигарету в углу рта. Снял пижаму. Мускулистые руки, ноги и туловище, широкие покатые плечи придавали ему сходство с медведем. С гладко выбритым медведем – на груди у него волосы не росли. Кожа на его теле была нежной и розовой, как у ребенка.

Он почесал затылок и принялся одеваться. Натянул белое исподнее, серые носки с черными подвязками и темно-коричневые ботинки. Завязав шнурки, он снял телефонную трубку, вызвал Грейстоун-45-00 и заказал такси. Облачился в белую в тонкую зеленую полоску рубашку, мягкий белый подворотничок, зеленый галстук, серый костюм, в котором был накануне, надел свободное твидовое пальто и темно-серую шляпу. Когда он рассовывал по карманам табак, ключи и деньги, в дверь парадного позвонили.

* * *

Там, где Буш-стрит перекрывает Стоктон, прежде чем скатиться в Чайна-таун, Спейд расплатился и вышел из такси. Ночной сан-францисский туман – тонкий, липкий и пронизывающий насквозь – застилал улицу. В нескольких ярдах от того места, где Спейд отпустил такси, собралась небольшая группа мужчин и вглядывалась в переулок. Две женщины и мужчина стояли на другой стороне Буш-стрит и тоже смотрели в переулок. В окнах мелькали лица.

Спейд пересек тротуар между проемами, огражденными железными поручнями и открывавшими голые уродливые лестницы, подошел к парапету и, положив руки на влажные перила, посмотрел вниз, на Стоктон-стрит. Из туннеля под ним с ревом – будто им выстрелили – вылетел автомобиль и умчался прочь.

Неподалеку от устья туннеля перед щитом с киноафишами и рекламой бензина, торчавшим в промежутке между двумя складскими помещениями, сидел на корточках человек. Он

наклонил голову почти к самому тротуару, чтобы заглянуть под рекламный щит. Ему пришлось скорчиться в гротескной позе, одной рукой упершись в тротуар, а другой вцепившись в зеленую раму. Еще двое неловко топтались у одного края щита, пытаясь заглянуть в щель между рамой и складской стеной. У стены второго склада серый пустой тротуар выходил на участок по ту сторону щита. Лучи фонариков шарили по стене, среди огней мелькали людские тени.

Спейд отошел от парапета и направился по Буш-стрит в сторону переулка, где сгрудились люди. Полицейский в форме, жевавший резинку под эмалированной табличкой, на которой белым по синему было написано «Бёррит-стр.», выставил руку, преграждая путь, и спросил:

– Что вам здесь нужно?

– Я Сэм Спейд. Мне позвонил Том Полхаус.

– А, это вы. – Полицейский опустил руку. – Я вас не узнал поначалу. Они вон там. – Он указал большим пальцем себе за спину. – Плохо дело-то.

– Да уж, хорошего мало, – согласился Спейд и пошел вглубь переулка.

Где-то на середине его темнела машина «скорой помощи». За машиной, по левую руку переулок был огорожен невысоким заборчиком из грубо сколоченных поперечных досок. От забора темная земля круто обрывалась вниз – к рекламному щиту на Стоктон-стрит.

Десятифутовая верхняя перекладина забора была оторвана от столбика на одном конце и болталась на другом. В пятнадцати футах ниже по склону торчал плоский валун. В углублении между склоном и валуном навзничь лежал Майлз Арчер. Над ним стояли двое. Один направил на мертвое тело луч электрического фонаря. Еще несколько человек с фонариками сновали вверх и вниз по склону.

Стоявший над трупом полицейский окликнул Спейда: «Привет, Сэм» – и вскарабкался по переулку вслед за своей тенью. Это был рослый пузан с маленькими, пронизательными глазками, толстыми губами и небрежно выбритыми темными щеками. Его ботинки, колени, руки и подбородок были измазаны коричневой глиной.

– Я подумал, что ты захочешь его увидеть, прежде чем мы заберем тело, – сказал он, перешагивая через сломанный забор.

– Спасибо, Том, – сказал Спейд. – Как это случилось? – Он облокотился о столбик и смотрел на людей внизу, кивая тем, кто кивал ему в знак приветствия.

Том Полхаус ткнул грязным пальцем себе в левую сторону груди.

– Продырявили ему насос – вот этим. – Он вытащил увесистый револьвер из кармана пальто и протянул его Спейду. Углубления на поверхности револьвера были забиты грязью. – «Уэбли». Английский, верно?

Спейд убрал локоть со столбика и наклонился, чтобы взглянуть на оружие убийства, но трогать его не стал.

– Да, – подтвердил он. – «Уэбли-фосбери», автоматический револьвер. Тридцать восьмого калибра, восьмизарядный. Их больше не выпускают. Сколько не хватает?

– Одной пилюли. – Том снова ткнул себя пальцем в грудь. – Наверное, он был уже мертв, когда проломил забор. – Он поднял грязный револьвер повыше. – Попадался тебе такой когда-нибудь?

Спейд кивнул.

– Я знаком с «уэбли-фосбери», – сказал он без всякого интереса и вдруг заговорил неожиданно быстро: – Его ведь здесь застрелили, а? Вот тут он стоял, где ты стоишь, спиной к забору. А стрелявший стоял вот тут. – Он обошел Тома, встал напротив него и направил руку с вытянутым указательным пальцем прямо ему в грудь. – Он стреляет, Майлз падает навзничь, ломает верхнюю заборину и катится вниз по склону, пока валун его не останавливает. Верно?

– Верно, – не сразу ответил Том, сведя брови к переносице. – Выстрел опалил ему пальто.

– Кто его нашел?

– Патрульный по фамилии Шиллинг. Он шел по Буш-стрит, как раз мимо этого места, и какая-то машина, поворачивая, осветила фарами сломанный забор. Он решил выяснить, в чем дело, и обнаружил его.

– А что известно насчет машины, которая поворачивала?

– Да ничего не известно, Сэм. Шиллинг не обратил на нее внимания, он же тогда еще не знал, что тут беда. Он говорит, никто не выходил из переулка, пока он шел от Пауэл-стрит, ну, или он не заметил. Другой путь отсюда – разве что пролезть под рекламным щитом на Стоктон. Но там тоже никого не было. Из-за тумана почва влажная, и следы остались только там, где Майлз съезжал по склону и где катился револьвер.

– Выстрел кто-нибудь слышал?

– Побойся бога, Сэм, мы только приехали. Кто-то должен был услышать, узнаем кто, когда найдем. – Том повернулся и перешагнул через заборчик одной ногой. – Пойдешь взглянуть на него, пока не увезли?

– Нет, – сказал Спейд.

Все еще над заборчиком, Том оглянулся и удивленно прищурил на Сэма и без того маленькие глазки.

Спейд сказал:

– Ты его видел. Ты увидел все, что мог бы увидеть я.

Не сводя взгляда со Спейда, Том недоверчиво кивнул и перенес через забор вторую ногу.

– Его пистолет лежал в кобуре на поясе, – сказал он. – Из него не стреляли. Пальто было застегнуто на все пуговицы. При нем нашли сто шестьдесят баксов с мелочью. Сэм, он работал?

Мгновение Спейд колебался, а затем утвердительно кивнул.

– И что? – спросил Том.

– Он должен был сесть на хвост парню по имени Флойд Тёрсби, – сказал Спейд и описал Тёрсби со слов мисс Уондерли.

– Зачем?

Спейд засунул руки в карманы пальто и сонно моргал, глядя на Тома.

Теряя терпение, Том повторил:

– Зачем?

– Кажется, он англичанин. Я не знаю, в чем он замешан. Мы пытались выяснить, где он живет. – Спейд слегка усмехнулся и вытащил руку из кармана, чтобы похлопать Тома по плечу. – Не наседай на меня. – Он снова спрятал руку в карман. – Я собираюсь с духом, чтобы сообщить жене Майлза дурную весть. – Спейд повернулся, чтобы уйти.

Том нахмурился, открыл рот, закрыл его, так ничего и не сказав, откашлялся, убрал с лица хмурое выражение и заговорил с мягкой хрипотцой:

– Надо же, как не повезло-то ему. У Майлза, конечно, были свои недостатки, как и у всех нас, но были же и хорошие стороны.

– Пожалуй, – неопределенно согласился Спейд и пошел прочь из этого переулка.

* * *

Спейд позвонил из круглосуточной аптеки на углу Буш и Тейлор-стрит.

– Радость моя, – сказал он в трубку вскоре после того, как назвал номер, – Майлза застрелили... Да, он убит... Так, соберись... Да... Ты должна сообщить Айве... Нет, я не буду ей звонить, лучше сдохнуть. Придется тебе это сделать... Вот и славно, молодец... И не подпускай ее к моему кабинету... Скажи, я загляну к ней... э-э... как-нибудь... Да, но меня не приплетай... Вот и хорошо. Ты мой ангел-хранитель. Пока.

* * *

Будильник Спейда показывал без двадцати четыре, когда он снова зажег свет в белой подвесной чаше. Бросив пальто и шляпу на кровать, он пошел на кухню и вернулся в спальню уже со стаканом и высокой бутылкой «Бакарди». Он налил себе рому и выпил стоя. Потом поставил бутылку и стакан на стол, сел напротив них на кровать и скрутил сигарету. Он допивал третью порцию «Бакарди» и прикуривал пятую сигарету, когда раздался звонок у двери в подъезд. Стрелки будильника показывали четыре тридцать.

Спейд вздохнул, встал с кровати и подошел к переговорной трубке у двери в ванную. Он нажал кнопку, отпирившую входную дверь.

Он проворчал: «Черти бы ее взяли» – и стоял, хмуро уставившись на черную коробку переговорного устройства и прерывисто дыша, а щеки его тем временем заливал тусклый румянец.

Из коридора было слышно, как со скрежетом и лязгом открылась и закрылась решетка лифта. Спейд снова вздохнул и пошел отпирать дверь. Негромкие, но увесистые шаги приближались по застланному ковром коридору – шаги двоих мужчин. Лицо Спейда прояснилось, озабоченность в глазах угасла. Он рывком отворил дверь.

– Здорóво, Том! Привет, лейтенант! Входите, – пригласил он пузатого великана-детектива, с которым разговаривал на Бёррит-стрит, и его спутника.

Оба гостя кивнули, не говоря ни слова, и вошли в квартиру. Спейд закрыл за ними дверь и провел их в комнату. Том сел на диван под окном. Лейтенант устроился на стуле у стола.

Лейтенант был человек плотного сложения с круглой головой под серебристым ежиком волос и квадратным лицом с коротко стриженными сидящими усами. Его галстук украшала закладка в виде золотой пятидолларовой монеты, на лацкане Спейд заметил маленькую, украшенную бриллиантами эмблему тайного общества масонов.

Спейд принес из кухни два стакана, наполнил их и свой собственный из открытой бутылки «Бакарди», вручил гостям по стакану и сел на прикроватную кушетку. Лицо его не выражало ни беспокойства, ни любопытства. Он поднял стакан.

– Ну, за преступления, – сказал он и выпил до дна.

Том тоже осушил свой стакан, поставил его на пол у ног и вытер рот грязным пальцем. Он пристально разглядывал изножье кровати, будто оно ему на что-то смутно намекало и он силится вспомнить это что-то.

Лейтенант секунд десять разглядывал свой стакан, после чего отпил маленький глоточек и поставил стакан на стол рядом с собой. Он окинул комнату цепким взглядом, а потом выразительно посмотрел на Тома.

Том смущенно поерзал на диване и спросил:

– Ты сообщил печальное известие жене Майлза?

– Угу, – промычал Спейд.

– И как она?

– Не понимаю я этих женщин.

– Заливай больше, – тихо сказал Том.

Лейтенант уперся ладонями в колени и подался вперед. Его зеленоватые глаза впились в Спейда, в немигающем пристальном взгляде было нечто механическое – казалось, перевести его можно, только потянув за некий рычаг или нажав кнопку.

– Какой марки у вас пистолет? – спросил лейтенант.

– Никакой. Я не большой любитель пушек. Конечно, в конторе найдется парочка.

– Я бы хотел на них взглянуть, – сказал лейтенант. – А сюда вы, случайно, не захватили одну из этих пушек?

– Нет.

– Вы уверены?

– Смотрите сами. – Сэм усмехнулся и приглашающе махнул пустым стаканом. – Хотите, можете перевернуть здесь все вверх тормашками. Я причитать не стану – если, конечно, ордер имеется.

Том возмутился:

– Сэм, какого черта!

Спейд поставил стакан на стол и встал напротив лейтенанта.

– Что вам от меня надо, Данди? – спросил он твердо и холодно, и так же тверд и холоден был его взгляд.

Взгляд лейтенанта изменил фокус, переместившись на Спейда. На лице Данди только глаза и двигались.

Том снова заерзал на диване, с силой выдохнул через нос и примирительно проворчал:

– Мы не хотим неприятностей, Сэм.

Спейд пропустил эту реплику мимо ушей и сказал, обращаясь к Данди:

– Итак, чего же вы хотите? Давайте начистоту. Кто вы такой, чтобы брать меня на понт в моем собственном доме?

– Ладно, – гулко сказал Данди, – садитесь и слушайте.

– Я сам решу, когда мне сесть или встать, – сказал Спейд, не двигаясь с места.

– Ради бога, остыньте, – взмолился Том. – Какой прок нам собачиться? Если хочешь узнать, почему мы не говорим начистоту, так это потому, что, когда я тебя спросил, кто такой Тёрсби, ты мне как ответил? Что это, мол, не мое дело. Не надо с нами так, Сэм. Этим ты ничего не добьешься. Мы ведь при исполнении как-никак.

Лейтенант вскочил и вплотную приблизился к Сэму. Воинственно задрал квадратную физиономию, он уставился прямо в лицо более рослому противнику.

– Я предупреждал, что рано или поздно вы поскользнетесь, – сказал он.

Спейд презрительно скривил губы и вскинул брови.

– Рано или поздно любой может поскользнуться, – с глумливой кротостью ответил он.

– На этот раз – вы.

Спейд усмехнулся и покачал головой.

– Нет, у меня все отлично, благодарю, не стоит беспокоиться. – Улыбка исчезла с его лица. Верхняя губа поползла вверх, обнажив левый клык. Глаза превратились в горящие щелки. Голос зазвучал еще более гулко, чем голос лейтенанта. – Не нравится мне это. Что вы тут рыщете вокруг меня? Выкладывайте или проваливайте, а я лягу спать.

– Кто такой Тёрсби? – требовательно спросил Данди.

– Все, что мне о нем известно, я рассказал Тому.

– Чертовски мало рассказал.

– Сколько сам знал.

– Почему вы за ним следили?

– Следил не я, а Майлз – по той простой причине, что у нас был клиент, заплативший нам за слежку хорошие американские деньги.

– Кто ваш клиент?

Лицо и голос Спейда снова обрели спокойствие. Он сказал с упреком:

– Вы же знаете, я не могу разглашать имя клиента, пока не переговорю об этом с ним самим.

– Вы назовете его мне, или будем разговаривать в суде! – вскипел Данди. – Речь об убийстве, не забывайте!

– Может быть. Но и вам советую кое-что не забывать, голубчик. Я сам, черт побери, решаю, говорить мне или нет. Прошли те времена, когда я горько плакал из-за того, что полицейские меня не жалуют.

Том пересел с дивана на кровать. Его щетинистое, выпачканное глиной лицо было усталым и осунувшимся.

– Сэм, не валяй дурака, – попросил он. – Помогите нам. Как нам расследовать убийство Майлза, если ты играешь в молчанку?

– Это не ваша головная боль, – сказал Спейд. – Я сам похороню своего мертвеца.

Лейтенант Данди сел и снова уперся руками в колени. Он смотрел на Сэма своими горящими зелеными глазами навывкате.

– Я так и думал, – сказал он и усмехнулся с мрачным довольством. – Именно поэтому мы и пришли с вами повидаться, верно, Том?

Том пробурчал что-то нечленораздельное.

Спейд не спускал с Данди настороженных глаз.

– Я ведь так и сказал Тому, – продолжал лейтенант. – «Том, – говорю, – ставлю свой обед на то, что Сэм Спейд не позволит чужакам сунуть нос в его семейные дела». В точности это я ему и сказал.

Настороженность Спейда исчезла, взгляд его стал тусклым, скучающим. Он повернулся лицом к Тому и спросил с величайшим безразличием:

– Что теперь беспокоит твоего кореша?

Данди вскочил и костяшками пальцев постучал по груди Спейда.

– А вот что! – сказал он и с расстановкой, подчеркивая каждое слово очередным ударом костяшек, произнес: – В Тёрсби стреляли у входа в отель через тридцать минут после того, как мы ушли с Бёррит-стрит.

Спейд сказал, тоже тщательно выговаривая каждое слово:

– Уберите от меня свои поганые лапы.

Данди опустил руку, но голос его не изменился.

– Том сказал, что вы до того торопились, что даже не взглянули на своего убитого напарника.

Том виновато проворчал:

– Ну, ты ведь и вправду сбежал, Сэм.

– И вы не пошли к Арчеру домой, чтобы уведомить его жену, – чеканил лейтенант. – Мы звонили туда, и там была ваша девчонка-секретарша, и она сказала, что это вы ее отправили.

Спейд кивнул. Его лицо было безмятежным до глупости.

Лейтенант Данди поднял было два согнутых пальца к груди Спейда, но, спохватившись, отдернул руку и сказал:

– Десяти минут вам хватило, чтобы добраться до телефона и позвонить секретарше. Еще десять – чтобы добраться до отеля, где жил Тёрсби. Это на Гири-стрит, рядом с Ливенс-ворт, – десять минут пути, максимум пятнадцать. И еще десять-пятнадцать минут понадобилось, чтобы дожидаться его появления.

– Хотите сказать, я знал, где он живет? – спросил Спейд. – И знал, что после убийства Майлза он сразу пойдет домой?

– Вы знали то, что знали, – упрямо повторил Данди. – В котором часу вы пришли домой?

– Без двадцати четыре. Мне надо было пройтись и подышать свежим воздухом, чтобы все обдумать.

Лейтенант упрямо pokrutil головой.

– Мы знаем, что в три тридцать вас еще дома не было. Мы пытались вам дозвониться. И где же именно вы дышали воздухом?

– Бродил по Буш-стрит туда и обратно.

– Вы кого-нибудь встретили, кто?..

– Нет, свидетелей нет, – сказал Спейд и добродушно рассмеялся. – Присядьте, Данди, вы не допили свой ром. Том, давай налью еще.

– Нет, Сэм, спасибо, – сказал Том.

Данди сел, но на стакан с ромом даже не взглянул.

Спейд налил себе, выпил, поставил пустой стакан на стол и вернулся на прикроватную кушетку.

– Я понимаю, – сказал он, дружески глядя то на одного, то на другого детектива. – Прошу прощения, что встал на дыбы, но вы, стервятники, слетелись, чтобы пришить мне это дело, вот я и психанул. Мало мне того, что Майлза грохнули, так тут еще вы еще со своими приемчиками. Но теперь я хотя бы понял, в чем загвоздка, к чему вы клоните.

– Проехали, – сказал Том.

Лейтенант промолчал.

Спейд спросил:

– Тёрсби мертв?

Пока лейтенант раздумывал, Том ответил:

– Да.

Тогда лейтенант раздраженно сказал:

– И вам лучше бы узнать – если вы еще не знаете – что он умер, не успев никому ничего сообщить.

Спейд сворачивал сигарету. Он спросил, не поднимая глаз:

– Что вы имеете в виду? Вы считаете, я об этом знал?

– Я имею в виду то, что сказал, – отрезал Данди.

Спейд поднял на него взгляд и улыбнулся, держа свернутую сигарету в одной руке, а зажигалку – в другой.

– Вы пока не готовы прижать меня, так ведь, Данди?

Данди зыркнул на Спейда тяжелым зеленым глазом и ничего не ответил.

– Тогда, – сказал Спейд, – у меня нет особых причин, чтобы не наплевать на ваши подозрения, верно, Данди?

– Полегче, Сэм, будь благоразумен, – сказал Том.

Спейд сунул сигарету в рот, прикурил и хохотнул, выпустив облачко дыма.

– Я буду благоразумен, Том, – пообещал он. – Как же я пришел Тёрсби? Я что-то запамтовал.

Том неодобрительно хмыкнул. Лейтенант Данди сказал:

– Он был застрелен четырьмя выстрелами в спину, сорок четвертый или сорок пятый калибр, с противоположной стороны улицы, когда он собирался войти в отель. Никто этого не видел, но именно так оно представляется.

– И у него был «люгер» в наплечной кобуре, – прибавил Том. – Из которого не стреляли.

– А что о нем говорит персонал отеля? – спросил Спейд.

– Ничего, кроме того, что он прожил там неделю.

– Один?

– Один.

– И что вы нашли при нем? Или в номере?

Данди спросил, поджав губы:

– А что мы, по-вашему, должны были найти?

Спейд небрежно описал круг поникшей сигаретой:

– Что-то, рассказавшее вам, кто он такой, чем занимается.

– Мы думали, вы нам об этом расскажете.

Спейд посмотрел на лейтенанта, и в его серо-желтых глазах читалась почти чрезмерная искренность.

– Я никогда не видел Тёрсби. Ни живого, ни мертвого.

Лейтенант встал с недовольным видом. Том тоже поднялся, зевая и потягиваясь.

– Мы задали все вопросы, который собирались задать, – сказал Данди, хмуря брови над зелеными голышами глаз. Поджав верхнюю усатую губу, он выталкивал слова одной нижней: – Справедливости ради, мы рассказали вам больше, чем вы рассказали нам. Вы меня знаете, Спейд. Убили вы или нет – я докопаюсь до истины, и вы получите по заслугам. Не знаю, стал бы я вас так уж сильно винить, но это не мешает мне прижать вас к ногтю.

– Справедливо, – бесстрастно согласился Спейд. – Но мне было бы гораздо спокойнее, если бы вы допили свой ром.

Лейтенант Данди вернулся к столу, поднял стакан и медленно осушил. Затем он сказал: «До свидания» – и протянул руку. Они чинно обменялись рукопожатиями. Затем так же чинно Сэм и Том пожали руки друг другу. Спейд проводил их к выходу. Затем разделся, выключил свет и лег в кровать.

Глава 3

Три женщины

Назавтра, в десять часов утра, когда Спейд вошел в агентство, Эффи Перин уже сидела за своим рабочим столом и вскрывала почту. Бледность проступала даже сквозь загар на ее мальчишеском лице. Она положила на стол кипу конвертов и латунный ножик для бумаг и предупредила, понизив голос:

– Она там.

– Я же просил тебя не пускать ее сюда, – упрекнул Спейд, тоже полупшепотом.

Эффи Перин распахнула карие глаза и ответила укором на укор:

– Да, но ты не сказал, *как* это сделать. – Ее веки сблизились, плечи поникли. – Не капризничай, Сэм, – устало сказала она. – Я с ней всю ночь просидела.

Спейд подошел к девушке и пригладил ей волосы, разделяя пряди на прямой пробор.

– Прости, ангелочек, я не хотел... – Он осекся, когда внезапно открылась дверь его кабинета. – Привет, Айва, – обратился он к женщине, что стояла на пороге.

– О Сэм! – простонала та.

На вид этой белокурой женщине было чуть за тридцать. Каких-то пять лет назад она, должно быть, переживала расцвет красоты, но теперь ее миловидное лицо уже начало увядать. Ее тело, довольно пышное, было тем не менее изящным, ладно скроенным. Облачена она была во все черное – от шляпки до туфель. Этакий траур на скорую руку. Она отступила вглубь кабинета и остановилась, ожидая, когда Спейд войдет следом.

Убрав руку с макушки Эффи Перин, он вошел в кабинет и закрыл за собой дверь. Айва немедленно бросилась к нему и подставила опечаленное лицо для поцелуя. Она обхватила его еще до того, как он успел ее обнять. После поцелуя он сделал неуверенную попытку высвободиться из объятий, но она прижалась лицом к его груди и зарыдала.

– Бедняжка, – глядя ее по округлой спине, ласково приговаривал Сэм. Но взгляд его, устремленный в тот угол, где находился стол покойного напарника, был злобен. Скривив губы в нетерпеливой гримасе, он повернул голову вбок, чтобы не тереться подбородком о тулью ее шляпы. – Ты сообщила брату Майлза?

– Да, он приходил сегодня утром. – Слова звучали глухо и неразборчиво, ведь она говорила сквозь рыдания, прижавшись губами к его пальто.

Он снова поморщился и вытянул шею, чтобы украдкой взглянуть на свои наручные часы. Левой рукой он обнимал Айву, таким образом, левое запястье лежало у нее на левом плече, а манжет отодвинулся достаточно, чтобы часы оказались на виду. Стрелки показывали десять минут одиннадцатого.

Женщина пошевелилась в его объятиях и снова подняла лицо. Ее мокрые голубые глаза были круглыми, как у мухоловки. Губы закисло от рыданий.

– О Сэм, – простонала она, – ты убил его?

Спейд оторопело вытаращился на нее. Костистая челюсть его отвисла. Он убрал руки и, шагнув назад, освободился от ее объятий. Он мрачно посмотрел на Айву и откашлялся.

Она так и осталась стоять с поднятыми руками, как будто все еще обнимала его. Взгляд ее полузакрытых глаз страдальчески затуманился, брови вздернулись над переносицей, мягкие и влажные алые губы дрожали.

Спейд выдавил из себя хриплое «Ха!» и подошел к занавешенному желтыми шторами окну. Он стоял спиной к Айве, глядя сквозь проем занавесок на глухой задний двор вниз. Айва бросилась к нему, тогда он быстро развернулся и пошел к своему столу. Сел, поставил локти на стол, уперся подбородком в сжатые кулаки и посмотрел на нее. Его глаза посверкивали меж прищуренных век, точно янтарь.

– Кто, – холодно поинтересовался он, – вложил тебе в голову эту блестящую мысль?

– Я думала... – Она подняла руку к губам, и глаза ее снова наполнились слезами. Она подошла к столу, двигаясь с уверенной грацией и легкостью в своих чрезвычайно маленьких черных лодочках на чрезвычайно высоких каблуках. – Сжался надо мной, Сэм, – смиренно попросила она.

Он рассмеялся ей в лицо, глаза его по-прежнему искрились.

– Ты убил моего мужа, Сэм, будь же милосерден ко мне. – Она молитвенно сложила ладони и произнесла: – Господи Иисусе!

Она разрыдалась в голос, прижимая к лицу белый носовой платочек.

Он встал и подошел к ней вплотную со спины. Обнял ее. Он поцеловал ее в шею между ухом и воротником пальто.

– Ну-ну, Айва, перестань, – сказал он, и лицо его при этом не выражало абсолютно никаких эмоций. Когда она успокоилась, он наклонился к самому ее уху и прошептал: – Не стоило приходить сюда сегодня, дорогая. Это безрассудство. Иди домой.

Она развернулась в его объятиях, лицом к нему, и спросила:

– А вечером ты придешь?

Он мягко покачал головой:

– Только не сегодня.

– Но скоро?

– Да.

– Когда?

– Как только смогу.

Он поцеловал Айву в губы, проводил до двери, открыл ее, сказал: «До свидания, Айва», кивнув на прощание, закрыл дверь и вернулся за стол.

Достал из жилетного кармана табак и бумагу, но сигарету не свернул. Так и сидел, держа бумагу в одной руке, а жестянку с табаком в другой, устремив задумчивый взгляд на пустой стол своего убитого компаньона.

* * *

Эффи Перин открыла дверь и вошла. В ее карих глазах читалось беспокойство.

– Ну? – спросила она с напускным безразличием.

Сэм ничего не ответил. Его задумчивый взгляд не отрывался от стола напарника.

Девушка нахмурилась и подошла к нему.

– Ну, – повысила она голос, – как пообщался со вдовушкой?

– Она думает, что это я застрелил Майлза, – сказал Спейд. Двигались только его губы.

– Чтобы жениться на ней?

Спейд ничего не ответил на это.

Девушка сняла шляпу с его головы и положила на стол. Затем наклонилась и забрала из его безвольных пальцев табак и бумагу.

– Копы считают, что я застрелил Тёрсби, – сказал он.

– Это еще кто? – спросила она, вытаскивая листок из пачки и насыпая в него табак.

– А кого из них я застрелил, на твой взгляд? – спросил он и, когда она проигнорировала его вопрос, сказал: – Тёрсби – это парень, за которым должен был следить Майлз для той девчонки, Уондерли.

Тонкие пальцы Эффи закончили сворачивать сигарету. Она облизала край и разгладила, сплющила концы и вставила готовую сигарету в сжатые губы Сэма.

Он сказал: «Спасибо, солнышко», обнял ее за тонкую талию, устало прижался щекой к ее бедру и закрыл глаза.

- Так ты женишься на Айве? – спросила она, глядя на его пепельно-русую макушку.
- Не говори глупости, – пробормотал он. Незажженная сигарета подпрыгивала в такт движению его губ.
- Она не считает, что это глупости. Да и с чего бы ей так думать – ты ведь славно развлекся с ней.
- Он вздохнул и сказал:
- Господи, я жалею, что вообще с ней повстречался.
- Теперь-то, может, и жалеешь, – в голосе девушки зазвучали ехидные нотки. – А в былые времена...
- Я не умею обращаться с женщинами, у меня всегда все кончается одинаково, – проворчал он. – К тому же Майлз мне не нравился уже тогда.
- Врешь ты, Сэм, – сказала Эффи. – Ты знаешь, я считаю ее дрянью, но я бы и сама согласилась стать дрянью, будь у меня такое тело.
- Спейд беспокойно потерся лицом о ее бедро, но ничего не сказал.
- Эффи Перин закусила губу, наморщила лоб и, наклонившись, чтобы лучше видеть его лицо, спросила:
- Как по-твоему, могла она сама его убить?
- Сэм сел прямо и убрал руку с ее талии. Он улыбнулся ей – беззаботно и весело. Щелкнув зажигалкой, он поднес язычок пламени к сигарете.
- Ты ангел, – нежно сказал он, затягиваясь. – Милый, пустоголовый ангелок.
- Она кривовато усмехнулась:
- Ах, неужели? А если я скажу, что Айва явилась домой всего за несколько минут до трех часов ночи, когда я пришла сообщить ей страшные новости?
- Что ты говоришь? – спросил он, и глаза его насторожились, хотя губы продолжали улыбаться.
- Она продержала меня у двери, пока раздевалась или заканчивала раздеваться. Я видела ее одежду, брошенную на кресло. Шляпка и пальто лежали в самом низу, а сорочка – сверху и была еще теплая. Она сказала, что спала, но ничего подобного. Она разворошила постель, но не смяла.
- Спейд взял девушку за руку и похлопал по ней.
- Да ты у нас настоящий сыщик, дорогая, но... – Он покачал головой. – Она его не убивала.
- Эффи Перин выдернула свою руку из его ладони.
- Эта дрянь хочет за тебя замуж, Сэм, – горько сказала она.
- Он нетерпеливо закрутил головой и отмахнулся.
- Она нахмурилась и строго спросила:
- Ты встречался с ней прошлой ночью?
- Нет.
- Честно?
- Честно. Не бери пример с лейтенанта Данди, радость моя. Тебе это не идет.
- Данди тебя подозревает?
- Ага. Они с Томом Полхаусом заходили выпить по стаканчику в четыре утра.
- Неужели они всерьез считают, что ты застрелил этого... как его там?
- Тёрсби. – Спейд бросил то, что осталось от его сигареты, в латунную пепельницу и начал скручивать другую.
- Так считают или нет? – не отставала Эффи.
- Бог их знает. – Он сосредоточенно сворачивал сигарету, не поднимая глаз. – У них действительно были подобные предположения. Не знаю, насколько мне удалось их разубедить.
- Сэм, посмотри на меня.

Он поднял глаза и рассмеялся так, что и на ее лице тревога на миг смешалась с весельем.

– Я беспокоюсь за тебя, Сэм, – сказала Эффи, и лицо ее снова посерьезнело. – Тебе вечно кажется, будто ты знаешь, что делаешь. Ты такой хитрый, только как бы тебе самого себя не перехитрить в один прекрасный день.

Он дурашливо вздохнул и потерся щекой о ее руку.

– Вот и Данди так говорит, но ты, главное, не подпускай ко мне Айву, радость моя, а уж с прочими трудностями я как-нибудь разберусь. – Он встал и надел шляпу. – Убери с двери табличку «Спейд и Арчер» и повесь новую – «Сэмюэл Спейд». Я вернусь через час или позвоню тебе.

* * *

Спейд прошел через просторный лиловатый вестибюль отеля «Сент-Марк» к стойке портье и поинтересовался у рыжеволосого щеголя, у себя ли мисс Уондерли. Рыжий щеголь отвернулся, затем повернулся снова и покачал головой.

– Она съехала сегодня утром, мистер Спейд.

– Спасибо.

Спейд миновал стойку и прошел в нишу, где за письменным столом красного дерева лицом к вестибюлю сидел пухлый человек лет тридцати пяти – сорока в темной одежде. На краю стола стояла пирамидка из красного дерева с медной табличкой, которая гласила: «Мистер Фрид».

Толстяк поднялся и, обойдя стол, протянул руку.

– Искренне соболезную насчет Арчера, Спейд, – произнес он тоном человека, приученного выражать ничего не означающее сочувствие. – Только что прочел в «Колл». Арчер был здесь вчера вечером, кстати.

– Спасибо, Фрид. Вы с ним разговаривали?

– Нет, когда я вечером пришел, он уже сидел в холле. Я не стал отвлекать его, подумал, вдруг он работает, а уж мне ли не знать, как вы, ребята, не любите, чтобы вас теребили, когда вы заняты. А это как-то связано с?..

– Я так не думаю, но нам пока ничего не известно. В любом случае мы не будем впутывать заведение, если это возможно.

– Спасибо.

– Да не за что. Не мог бы ты мне кое-что сообщить о вашей бывшей постоялице и забыть о том, что я спрашивал?

– Конечно.

– Некая мисс Уондерли, которая съехала сегодня утром. Я хотел бы уточнить кое-какие детали.

– Пойдем, – сказал Фрид, – посмотрим, что у нас есть для тебя.

Спейд не двинулся с места, лишь покачал головой:

– Не хочу светиться.

Фрид кивнул и вышел из ниши. В вестибюле он внезапно остановился и вернулся к Спейду.

– Прошлой ночью дежурным гостиничным детективом был Гарриман, – сказал он. – И он наверняка видел Арчера. Может, попросить его не упоминать об этом?

Спейд покосился на Фрида:

– Лучше не надо. Это не имеет никакого значения, пока не выявлена связь с этой самой Уондерли. Гарриман хороший парень, но любит почесать языком. Лучше, чтобы он не думал, будто тут есть о чем умалчивать.

Фрид кивнул и удалился. Вернулся он через пятнадцать минут.

– Приехала в прошлый вторник, из Нью-Йорка, если верить журналу регистрации. Чемодана не было, только несколько сумок. В номер никто не звонил, и она, кажется, получала мало писем, если вообще получала. Единственный, с кем ее видели, – высокий брюнет лет тридцати шести. Выходила сегодня в полдесятого утра, вернулась часом позже, оплатила счет, попросила отнести багаж в такси. Коридорный, который грузил сумки, говорит, что это был «Нэштурер» с открытым кузовом, взятый, по всей видимости, напрокат. Она оставила свой новый адрес – «Амбассадор», Лос-Анджелес.

– Спасибо тебе огромное, Фрид, – сказал Спейд и покинул «Сент-Марк».

Когда он вернулся в контору, Эффи Перин прекратила отстукивать письмо на печатной машинке и сообщила:

– Приходил твой приятель Данди. Хотел взглянуть на твои пистолеты.

– Ну и?..

– Я сказала, чтобы зашел попозже, когда ты вернешься.

– Молодчина. Если придет снова, покажи ему, пусть взглянет.

– И еще мисс Уондерли звонила.

– Давно пора. Что она сказала?

– Хочет с тобой встретиться.

Девушка взяла лист бумаги со стола и прочитала карандашную записку на нем:

– Она в апартаментах «Коронет» на Калифорния-стрит, номер тысяча первый. Спросить мисс Леблан.

– Дай-ка сюда, – протянул руку Спейд.

Взяв листок двумя пальцами, он вытащил зажигалку, щелкнул ею, поджег листок и держал, пока тот не превратился в скукоженную черную труху. Тогда Сэм бросил ее и растер подошвой по линолеумному полу.

Девушка наблюдала за этими действиями с явной укоризной во взгляде.

Он усмехнулся, сказал:

– Вот так, дорогая, – и вышел.

Глава 4

Черная птица

Мисс Уондерли в зеленом шелковом платье, подпоясанном ремешком, сама открыла дверь номера 1001. На лице ее горел румянец. Темно-рыжие волосы, разделенные пробором с левой стороны и свободными волнами ниспадавшие на правый висок, были слегка взъерошены.

Сняв шляпу, Спейд произнес:

– Доброе утро.

В ответ на его улыбку она тоже слегка улыбнулась уголками губ. Но ее синие, почти фиолетовые глаза по-прежнему глядели тревожно. Она опустила голову и сказала тихим, робким голосом:

– Входите, мистер Спейд.

Она провела его мимо открытых дверей кухни, ванной и спальни в кремово-красную гостиную, бормоча извинения:

– Все вверх дном. Я еще даже не все вещи распаковала.

Она положила его шляпу на стол и села на козетку орехового дерева. Спейд расположился напротив нее на обитом парчой стуле с овальной спинкой.

Она уставилась на свои крепко сплетенные пальцы и сказала:

– Мистер Спейд, я должна сделать ужасное... ужасное признание.

Спейд молча изобразил вежливую улыбку – втуне, поскольку она не поднимала глаз и ее не увидела.

– Та... та история, которую я вам вчера рассказала, была всего лишь... выдумкой, – пробормотала она и наконец подняла на него несчастные, испуганные глаза.

– Ах, это, – беспечно сказал Спейд. – Да мы в нее не очень-то и поверили.

– Значит... – К печали и испугу в глазах добавилось недоумение.

– Ваши две сотни долларов оказались вполне достойны доверия.

– Вы имеете в виду, что?.. – Похоже, она действительно не понимала.

– Я имею в виду, что вы заплатили нам гораздо больше, чем если бы рассказали правду, – вежливо объяснил он, – и этого вполне хватило, чтобы мы приняли все как должное.

Ее глаза вдруг загорелись. Она даже привстала с козетки, снова села, разгладила юбку и, подавшись вперед, выпалила:

– И даже теперь вы не откажетесь?..

Спейд упреждающе поднял ладонь. Верхняя часть его лица хмурилась. Нижняя улыбалась.

– Зависит от обстоятельств, – сказал он. – Но вопрос вот в чем, мисс... как вас все-таки величать – Уондерли или Леблан?

Зардевшись, она пролепетала:

– На самом деле я О'Шонесси... Бриджид О'Шонесси.

– Вся загвоздка, мисс О'Шонесси, в том, что пара убийств... – он поморщился, – подряд, как в нашем случае, обычно всех поднимает на уши. Полиция усердствует, так что все усложняется и требует больших расходов. Это вам не...

Он умолк, потому что она перестала слушать и просто ждала, пока он договорит.

– Мистер Спейд, скажите мне правду. – Ее голос дрожал на грани истерики, глаза безумно метались, лицо выражало отчаяние. – Я виновата в том... в том, что случилось ночью?

Спейд покачал головой.

– Нет, если только вы ничего от меня не скрываете, – сказал он. – Вы же предупреждали, что Тёрсби опасен. Конечно, вы солгали насчет вашей сестры и всего остального, но это не

имеет значения – все равно мы вам не поверили. – Он пожал могучими плечами. – Не думаю, что это ваша вина.

Очень тихо она сказала:

– Спасибо. – А потом закрутила головой. – Но я всегда буду винить себя. – Она судорожно прижала руку к горлу. – Вчера днем мистер Арчер был таким... таким жизнерадостным, таким крепким и сердечным... Он...

– Хватит, – оборвал ее Спейд. – Он знал, на что подписался. Нам приходится рисковать.

– Он был... был женат?

– Да, но это был брак с женщиной, которая его не любила, без детей, зато со страховкой в десять тысяч долларов.

– Ох, пожалуйста, не надо! – прошептала она.

Спейд снова пожал плечами:

– Так уж сложилось. – Он взглянул на часы и пересел со стула на козетку рядом с ней. – Нет времени переживать об этом. – Его голос был доброжелателен, но непреклонен. – Вокруг рыщут стаи полицейских, помощников окружного прокурора и репортеров. И все они носом землю роют. Что я должен для вас сделать?

– Я хочу, чтобы вы защитили меня от... от всего этого, – ответила она дрожащим голосом и робко тронула его за рукав. – Мистер Спейд, они знают обо мне?

– Пока нет. Сперва я хотел с вами увидеться.

– Что... что они подумают, когда выяснится, что я к вам приходила и... что солгала?

– Это, конечно, вызовет у них подозрения. Вот потому-то я и откладывал свой рассказ до поры, пока не встречусь с вами. Думаю, не стоит посвящать их во все. На всякий случай мы должны запастись подходящей историей, чтобы усыпить их бдительность.

– Вы же не думаете, что я как-то связана... с убийствами... правда?

Спейд хмыльнулся и сказал:

– Кстати, забыл вас об этом спросить. Так связаны или нет?

– Нет.

– Это хорошо. Итак, что мы расскажем полиции?

Она поерзала на своем краешке козетки, и глаза ее, обрамленные густыми ресницами, дрогнули, словно она попыталась отвести взгляд – и не сумела. Она казалась такой маленькой, такой незащищенной, такой юной.

– А это обязательно – рассказывать им обо мне? – спросила она. – Я до смерти боюсь этого, мистер Спейд. Не могу объяснить почему, но, пожалуйста, защитите меня от них, избавьте от необходимости отвечать на их вопросы! Сейчас я просто этого не вынесу. Я умру. Вы спасете меня, мистер Спейд?

– Может быть, – сказал он. – Но мне надо знать, в чем тут дело.

Она встала перед ним на колени и сжала руки в немой мольбе. Бледная, напряженная, она смотрела на него снизу вверх испуганными глазами.

– Жизнь моя была несправедливой, – говорила она сквозь слезы. – Я поступала дурно – куда хуже, чем вы можете себе представить, но я не закоренелая преступница. Посмотрите на меня, мистер Спейд. Вы же знаете, что я не такая, правда? Вы же видите? Могу ли я рассчитывать на малую толику вашего доверия? О, я совсем одна, и мне совсем некому помочь, если вы не поможете. Я знаю, что не имею права молить о доверии, не доверяя вам. На самом деле я вам доверяю, только не могу всего рассказать. Сейчас не могу. Но обязательно расскажу потом, когда будет можно. Я боюсь, мистер Спейд. Боюсь вам довериться. То есть я не это имею в виду. Я вам доверяю, но... я доверяла Флойду, как... никому другому, мистер Спейд, как никому другому. Вы можете мне помочь. Вы сами сказали, что можете. Если бы я не верила, что вы сможете меня спасти, я сегодня не посылала бы за вами, а сбежала куда глаза глядят. Если бы я думала, что кто-нибудь другой сможет меня спасти, разве стояла бы я перед вами

на коленях? Знаю, что не вполне откровенна с вами. Но будьте великодушны, мистер Спейд, не просите меня об откровенности. Вы такой сильный, находчивый, храбрый. И вы, конечно же, сможете уделить мне немного этой силы, находчивости, храбрости. Помогите мне, мистер Спейд. Помогите, потому что я крайне нуждаюсь в этом и потому что, если вы откажетесь, где мне найти того, кто *может*, а не только *захочет*. Помогите мне. Я не имею права просить вас помогать мне вслепую и все-таки прошу. Будьте великодушны, мистер Спейд. Только вы можете меня спасти. Только вы.

Спейд, который выслушал эту речь затаив дыхание, шумно выдохнул сквозь сжатые губы и сказал:

– Вам вряд ли так уж понадобится чья-то помощь. Вы неподражаемы. Просто неподражаемы. Особенно хороши глаза, на мой вкус, и дрожащий голосок, когда вы чирикаете что-то вроде: «Будьте великодушны, мистер Спейд!»

Она вскочила. Лицо ее стало пунцовым, но голову она держала прямо и так же прямо посмотрела Спейду в глаза.

– Поделом мне, – сказала она. – Я это заслужила, солгав вам, но... ох, я действительно хотела, чтобы вы мне помогли. И теперь хочу и очень нуждаюсь в этом, очень. И ложь моя заключалась вовсе не в том, *что* я рассказала, а в том, *как* я это сделала. – Она отвернулась, плечи ее поникли. – Я сама виновата, что вы мне теперь не верите.

Спейд побагровел и уставился в пол.

– Попал я в передрагу, – проворчал он.

Бриджид О'Шонесси подошла к столу и взяла его шляпу. Потом вернулась и встала перед ним со шляпой в руке, не протягивая ее ему, а просто держа так, чтобы он сам мог взять при желании. Лицо у нее было бледное, осунувшееся.

Спейд посмотрел на шляпу и спросил:

– Что случилось минувшей ночью?

– Флойд пришел в отель в девять вечера, и мы пошли прогуляться. Я сама это предложила, чтобы мистер Арчер смог на него посмотреть. Мы зашли в ресторан – на Гири-стрит, кажется, – поужинали там, потанцевали и вернулись в отель где-то в половине первого ночи. Флойд простился со мной у двери, и я видела из холла, как мистер Арчер пошел за ним следом – вниз по улице, по противоположной стороне.

– Вниз? То есть в сторону Маркет-стрит?

– Да.

– Вы не знаете, что они делали неподалеку от перекрестка Буш и Стоктон, где в Арчера стреляли?

– А разве это не по соседству с отелем, где жил Флойд?

– Нет. Это крюк кварталов на десять в сторону от того пути, по которому он должен был идти от вашего отеля к своему. Так... А что вы делали после его ухода?

– Легла спать. А сегодня утром я спустилась к завтраку, увидела заголовки газет и прочитала – о чем, вы знаете. Потом я пошла на Юнион-Сквер, где раньше видела автомобили напрокат, наняла один и поехала за багажом к себе в отель. После того, как я обнаружила, что вчера мою комнату обыскивали, я поняла, что должна переехать, и вчера же пополудни нашла эту квартиру. Перебравшись сюда, я позвонила вам.

– Ваш номер в «Сент-Марке» обыскали?

– Да, пока я была у вас в конторе. – Она закусил губу. – Я не собиралась вам об этом рассказывать.

– То есть мне не полагается об этом спрашивать?

Она смущенно кивнула.

Он нахмурил брови.

Она чуть шевельнула шляпой в руке.

Он досадливо хохотнул и сказал:

– Хватит махать шляпой у меня перед носом. Разве я не обещал сделать все, что смогу?

Она виновато улыбнулась, вернула шляпу на стол и снова села рядом с ним на козетку.

Он сказал:

– Я, в общем-то, готов слепо доверять вам, вот только не смогу быть вам полезен в полной мере, не имея представления о том, что, собственно, происходит. К примеру, мне нужно составить какое-никакое представление об этом вашем Флойде Тёрсби.

– Мы познакомились с ним на Востоке. – Она говорила медленно, глядя на свой палец, рисующий восьмерки на обивке в пространстве между ними. – Сюда мы приехали из Гонконга на прошлой неделе. Он был... он обещал помочь мне. Он воспользовался моим безнадежным положением и зависимостью от него. И предал меня.

– Каким образом он вас предал?

Она покачала головой и ничего не ответила.

Спейд, нетерпеливо хмурясь, спросил:

– Почему вы хотели проследить за ним?

– Хотела узнать, как далеко он зашел. Он даже не сообщил мне, где остановился. Я хотела выяснить, что он делает, с кем встречается и все прочее.

– Это он убил Арчера?

Она подняла на него удивленные глаза:

– Конечно он.

– В его наплечной кобуре нашли «люгер». Арчер был застрелен не из «люгера».

– Флойд носил револьвер в кармане пальто.

– Вы его видели?

– О, довольно часто. Я знаю, что он постоянно был при оружии. Вчера вечером я револьвер не видела, но обычно, надевая пальто, он клал его в карман.

– Зачем ему оружие?

– Это его хлеб. В Гонконге ходили слухи, что он приехал туда, на Восток, в качестве телохранителя одного игрока, которому пришлось покинуть Штаты, и что с тех пор этого игрока никто не видел. Говорили, что Флойд причастен к этому исчезновению. Я не знаю. Но точно знаю, что он всегда вооружен до зубов, а спать ложится только после того, как застелет пол вокруг кровати мягкими газетами, чтобы никто не мог бесшумно прокрасться к нему в комнату.

– Хорошенького дружка вы себе выбрали.

– Только такой мне и мог помочь, – ответила она просто, – если бы оставался верен мне.

– Если бы да кабы. – Спейд ущипнул себя за нижнюю губу и угрюмо посмотрел на себя-седницу. Вертикальные морщины между бровями стали резче, брови почти сошлись на переносице. – И все-таки, какой глубины та яма, в которую вы угодили?

– Настолько глубокая, что и не передать.

– Вам грозит расправа?

– Я не героиня. Хуже смерти ничего нет.

– Так значит – смерть?

– Это так же верно, как и то, что мы с вами здесь сидим. – Она содрогнулась. – Если только вы меня не спасете.

Он перестал тереть губу и пригладил волосы.

– Я не Иисус Христос, – раздраженно сказал он. – Я не умею творить чудеса. – Он взглянул на часы. – День на исходе, а вы не дали мне ничего, с чем можно работать. Кто убил Тёрсби?

Она прижала к губам смятый платок и сказала сквозь него:

– Я не знаю.

– Ваши враги или его?

– Не знаю. Надеюсь, его, но боюсь, что... я не знаю.

– А каким образом он должен был вам помочь? Зачем вы притащили его сюда из Гонконга?

Она бросила на него испуганный взгляд и молча покачала головой. Лицо у нее было измученное и жалобно-упрямое.

Спейд встал, засунул руки в карманы пиджака и хмуро посмотрел на нее сверху вниз.

– Дело дрянь, – раздраженно бросил он. – Я ничего не смогу для вас сделать, потому что не знаю, какую каверзу вы задумали. Я даже не уверен, что вы сами знаете, чего хотите.

Она уронила голову и зарыдала.

Издав нетерпеливый, прямо-таки звериный рык, Спейд решительно направился к столу за шляпой.

– Пожалуйста, – взмолилась она прерывающимся от рыданий голосом, не поднимая головы, – не ходите в полицию!

– В полицию? – заорал он в ярости. – Да они с четырех утра за мной бегают! Бог знает, в какую передрыгу я влез, чтобы отделаться от них. И чего ради? Ради безумной фантазии, что я чем-то могу вам помочь? Я пас. И даже пытаться не буду. – Он нахлобучил шляпу на голову. – «Не ходите в полицию!» Да мне и ходить не надо – достаточно спокойно постоять минутку, и они тут же на меня набросятся всей сворой. Что ж, расскажу им, что знаю, а вы сами выкручивайтесь.

Она поднялась с козетки, встала перед ним прямо, хотя колени у нее дрожали, и подняла бледное, искаженное страхом лицо, не в силах унять непроизвольное подергивание рта и подбородка.

– Вы были терпеливы, – сказала она. – Вы пытались мне помочь. Думаю, все это безнадежно и напрасно. – Она протянула правую руку. – Спасибо вам за то, что вы для меня уже сделали. Я... я буду выкручиваться сама.

Спейд снова зарычал по-звериному и сел на козетку.

– Сколько у вас денег?

Вопрос застал ее врасплох. Прикусив нижнюю губу, она нехотя ответила:

– Осталось около пяти сотен.

– Дайте их мне.

Она медлила, нерешительно глядя на него. Все своим видом – губами, бровями, жестами – Спейд демонстрировал недовольство. Она скрылась в спальне и почти сразу же вышла оттуда с пачкой банкнот в руке.

Он взял у нее деньги и пересчитал.

– Здесь только четыре сотни.

– Мне надо на что-то жить, – кротко объяснила она, прижав руку к груди.

– Можете добыть еще?

– Нет.

– У вас наверняка есть что обратить в деньги, – настаивал он.

– Несколько колец, безделушки.

– Заложите их. Лучше всего в «Ремедиалс» – угол Пятой и Мишн, – сказал он и протянул руку.

Она просительно заглянула в его желто-серые глаза. Но те смотрели твердо, неумолимо.

Она медленно полезла в вырез платья, вытащила оттуда несколько купюр, свернутых в тонкую трубочку, и положила в его протянутую руку.

Он расправил их, пересчитал – четыре двадцатки, четыре по десять и пятерка – и вернул ей две десятки и пятерку. Прочие положил в карман. Затем он встал и сказал:

– Я ухожу. Посмотрим, что я смогу для вас сделать. Постараюсь вернуться как можно скорее и принести наилучшие новости. Позвоню четыре раза – длинный звонок, короткий, длинный, короткий – чтобы вы знали, что это я. Не провожайте, я сам найду выход.

Он ушел, а она так и стояла посреди комнаты, глядя ему вслед ошеломленными синими глазами.

* * *

Он вошел в приемную адвокатской конторы, на дверях которой красовалась табличка «Уайз, Мерикен и Уайз». Рыжая девушка, сидевшая у коммутатора, воскликнула:

– А, мистер Спейд, привет!

– Привет, золотце, – ответил он. – Сид у себя?

Он стоял рядом с ней, положив руку на ее округлое плечико, пока она вставляла штекер в гнездо.

Она сообщила в микрофон:

– Мистер Уайз, к вам мистер Спейд. – Потом подняла глаза на него: – Идите прямо в кабинет.

Он благодарно пожал ей плечо и проследовал через приемную в тускло освещенный внутренний коридор к двери с матовым стеклом в самом его конце. Он открыл эту дверь и вошел в кабинет, где за огромным письменным столом, заваленным кипами бумаг, сидел маленький человек с вытянутым и утомленным оливковым лицом и редкими темными волосами, усыпанными перхотью.

Коротышка махнул потухшим сигарным окурком в сторону Спейда и сказал:

– Подвинь сюда стул. Так, значит, Майлз безвременно нас покинул прошлой ночью? – Ни его усталое лицо, ни весьма пронзительный голос не выражали эмоций.

– Угу, потому-то я и пришел. – Спейд насупил брови и откашлялся. – Кажется, мне придется послать коронера ко всем чертям, Сид. Могу ли я сослаться на неприкосновенность секретов и личности моих клиентов, и прочее и прочее, как это делает адвокат или как священник сосылается на тайну исповеди?

Сид Уайз вздернул плечи и опустил уголки рта.

– Почему бы и нет? Дознание – это еще не судебный процесс. Во всяком случае, можешь попробовать. Помнится, тебе и не такое сходило с рук.

– Да я знаю, но Данди меня достает, и на этот раз как-то особенно гнусно. Надень шляпу, Сид, и отведи меня к нужным людям. Я должен подстраховаться.

Сид Уайз посмотрел на гору бумаг на столе и невесело хмыкнул, однако встал с кресла и пошел к стенному шкафу у окна.

– Сукин ты сын, Сэмми, – сказал он и взял шляпу, висевшую на крючке.

* * *

В тот вечер Спейд вернулся к себе в контору в десять минут шестого. Эффи Перин, сидя за его столом, читала «Тайм». Спейд присел на стол и спросил:

– Что у нас потрясающего?

– У нас – ничего, а вот ты похож на кота, который слопал канарейку.

Он довольно ухмыльнулся:

– Думаю, у нас есть будущее. Я всегда считал, что, если Майлз уйдет и умрет где-нибудь, у нас появится больше шансов преуспеть. Ты не возьмешь на себя труд послать цветы от моего имени?

– Уже.

– Ты мой бесценный ангел. Как сегодня поживает твоя женская интуиция?

– Ты о чем?

– Что ты думаешь о мисс Уондерли?

– Ничего плохого, – без раздумий ответила девушка.

– У нее чересчур много фамилий, – размышлял вслух Спейд. – То Уондерли, то Леблан, а настоящее имя, как она утверждает, – О’Шонесси.

– Да пусть назовется хоть всеми именами из телефонного справочника. Нормальная девушка, как по мне, и ты тоже это знаешь.

– Я просто интересуюсь. – Спейд сонно прищурился на Эффи Перин. Потом хихикнул. – Как-никак, она выложила семь сотен зеленых за два дня. Это полный порядок.

Эффи Перин чинно выпрямилась в кресле и сказала:

– Сэм, если эта девушка попала в переplet, а ты ее подведешь или воспользуешься ее бедой, чтобы обобрать до нитки, я тебе этого никогда не прощу и перестану уважать на веки вечные.

Спейд неестественно улыбнулся. Потом помрачнел, тоже неестественно. Потом он открыл было рот, чтобы что-то ответить, но звук открывающейся наружной двери ему помешал.

Эффи Перин встала и вышла в приемную. Спейд снял шляпу и сел в кресло. Девушка вернулась с карточкой, на которой было отпечатано: «М-р Джоэл Каир».

– Странный тип, – заметила она.

– Пригласи его, дорогая, – сказал Спейд.

Мистер Джоэл Каир оказался смуглым тонкокостным мужчиной среднего роста. Волосы у него были черные, гладкие и блестящие. Изящные левантийские черты лица. Квадратный рубин, обрамленный четырьмя бриллиантами багетной огранки, мерцал на темно-зеленом галстук. Черное пальто, плотно облежавшее узкие плечи, слегка расширялось на полноватых бедрах. Брючины облепили округлые икры плотнее, чем того требовала современная мода. Верх лакированных ботинок скрывали коричневые гетры. Держа черный котелок рукой в замшевой перчатке, мистер Каир приблизился к Спейду короткими шажками, семена и подпрыгивая. Вместе с ним в кабинет проник запах шипрового одеколона.

Спейд кивнул посетителю, потом указал подбородком на полукресло со словами:

– Садитесь, мистер Каир.

Каир отвесил изысканный поклон.

– Благодарю вас, – произнес он неестественно высоким голосом. Чинно уселся, скрестив ноги, положил шляпу на колени и принялся стаскивать желтые перчатки.

Спейд откинулся на спинку кресла и спросил:

– Итак, чем могу служить, мистер Каир?

Любезная небрежность его тона, его движение в кресле были точно такими же, как и накануне, когда он задавал тот же вопрос Бриджид О’Шонесси.

Каир перевернул шляпу, бросил в нее перчатки и положил на ближайший к нему угол стола. Бриллианты мерцали на указательном и безымянном пальцах его левой руки. Рубин – близнец того, что украшал галстук, вплоть до бриллиантов по всем четырем граням, – сиял на указательном пальце правой. Эти мягкие, ухоженные руки, хоть и не были велики, из-за своей вялой короткопалости казались уродливыми. Потирая ладони с шелестящим звуком, Каир сказал, перекрывая этот шелест:

– Уместно ли незнакомцу принести соболезнования по поводу прискорбной кончины вашего компаньона?

– Благодарю вас.

– Позвольте спросить вас, мистер Спейд, существует ли, как намекают газеты, определенная... э-э... взаимосвязь между этим прискорбным событием и чуть более поздней гибелью некоего Тёрсби?

Спейд ничего не ответил, сохраняя красноречиво-непроницаемое выражение на лице.

Каир встал и поклонился.

– Прошу прощения, – сказал он, снова сел и положил ладони ладонями на край стола. – Я спрашиваю отнюдь не из праздного любопытства, мистер Спейд. Я пытаюсь вернуть... э-э... украшение, которое, скажем так, потерялось. Я думал и надеялся, что вы сможете мне посодействовать.

Спейд чуть наклонил голову, приподняв брови в знак того, что он внимательно слушает.

– Это украшение – статуэтка, – продолжал Каир, тщательно выбирая и выговаривая слова, – в виде черной птицы.

Спейд опять кивнул с учтивым интересом.

– От имени законного владельца фигурки я готов заплатить за ее возвращение пять тысяч долларов. – Каир оторвал одну руку от края стола и ткнул уродливым указательным пальцем в какую-то воображаемую точку в воздухе. – Я также готов пообещать... как бы это выразиться?... не задавать никаких вопросов. – Он снова положил руку на стол рядом с другой и одарил частного детектива любезной улыбкой.

– Пять тысяч – сумма немаленькая, – заметил Спейд, задумчиво глядя на Каира. – Это...

В дверь тихонько забарабанили пальчики.

Когда Спейд пригласил: «Войдите!», дверь отворилась ровно настолько, чтобы в щель пролезли голова и плечи Эффи Перин. На ней была черная фетровая шляпка и серое пальто с меховым воротником.

– На сегодня все? – спросила она.

– Да. Спокойной ночи. Запри дверь, когда будешь уходить, будь добра.

Спейд повернул кресло к мистеру Каиру со словами:

– Это очень интересная сумма.

В коридоре хлопнула дверь, Эффи Перин ушла.

Каир усмехнулся и вынул из внутреннего кармана короткий, компактный, плоский пистолет.

– Будьте любезны, – сказал он, – поднять руки за голову.

Глава 5

Левантиец

Спейд на пистолет даже не глянул. Он поднял руки, заложил их за голову, и откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы на затылке. Его глаза, устремленные на смуглое лицо Каира, не выражали ровным счетом ничего.

Каир кашлянул коротко и даже как-то виновато и нервно улыбнулся слегка побледневшими губами. Его темные, влажные глаза глядели застенчиво и очень серьезно.

– Я намерен обыскать ваши помещения, мистер Спейд. Предупреждаю, если вы попытаетесь мне помешать, то я обязательно вас застрелю.

– Валяйте. – Голос Спейда был так же безразличен, как и выражение его лица.

– А вы, пожалуйста, встаньте, – велел человек с пистолетом тому, в чью широкую грудь было направлено дуло. – Я должен убедиться, что вы не вооружены.

Спейд встал и, распрямляя ноги, одновременно оттолкнул кресло икрами. Каир обошел его со спины. Он переложил пистолет из правой руки в левую. Приподнял полу пиджака Спейда и заглянул под нее. Прижимая дуло к спине детектива, он обхватил его сбоку правой рукой и похлопал по груди. Лицо левантийца оказалось чуть ниже правого локтя Спейда – всего в шести дюймах позади.

Локоть Спейда опустился на это лицо, когда он развернулся вправо. Оно дернулось назад, но не слишком далеко: правый Спейдов каблук придавил лаковый носок менее рослого противника, не дав увернуться от траектории локтя. Локоть врезался Каиру чуть ниже скулы, и тот наверняка упал бы на пол, если бы Спейд не наступил ему на ногу. Локоть промелькнул мимо ошарашенного лица и распрямился, когда Спейд ударил по пистолету. Каир выпустил оружие в то самое мгновение, когда его схватили пальцы Спейда. Для огромной лапы Спейда игрушка была маловата.

Спейд сошел с ноги Каира, чтобы закончить разворот. Оказавшись лицом к лицу к маленькому левантийцу, он сгреб его за лацканы – зеленый галстук с рубиновой заколкой свисал на костяшки пальцев левой руки Спейда, пока правая засовывала трофейный пистолетик в карман пиджака. Глаза Спейда горели мрачным желто-серым огнем. Лицо его одеревенело, вокруг рта залегли угрюмые складки.

Лицо Каира сморщилось от боли и унижения. В темных глазах стояли слезы. Кожа стала свинцово-серой, краснело только пятно на щеке – там, куда угодил Спейдов локоть.

Крепко сжимая лацканы пиджака левантийца, Спейд дотолкал его до кресла, на котором тот прежде сидел. На сером лице выражение боли сменилось недоумением. И тут Спейд улыбнулся – мягкой, почти мечтательной улыбкой. Правое плечо приподнялось на пару дюймов. За ним потянулась согнутая правая рука. Кулак, запястье, предплечье, согнутый локоть накрепко слились в единое целое, движимое только плечом. Кулак врезался в лицо Каира, на миг полностью скрыв одну половину его подбородка, угол рта и большую часть щеки между скулой и нижней челюстью.

Каир закрыл глаза и отключился.

Спейд опустил обмякшее тело на кресло; руки и ноги левантийца безвольно свисали, голова с открытым ртом запрокинулась на спинку.

Спейд опустошил карманы лежавшего без сознания человека, работая методично, ворочая при необходимости бесчувственное тело. На столе выросла горка всевозможных предметов. Вывернув последний карман, он вернулся за свой стол, скрутил и прикурил сигарету и начал осматривать добычу – неторопливо, серьезно, тщательно.

Большой бумажник из мягкой черной кожи содержал триста шестьдесят пять долларов США в купюрах разного достоинства. Помимо этого в нем лежали три банкноты по пять фун-

тов, греческий паспорт на имя Каира с его же фотографией, обклеенный визами вдоль и поперек; пять сложенных листков цвета лилового лука, исписанных, судя по всему, арабской вязью; небрежно вырезанная газетная заметка о том, что обнаружены тела Арчера и Тёрсби; фотокарточка смуглой женщины с дерзкими, жестокими глазами и нежным полуоткрытым ртом; большой шелковый носовой платок, пожелтевший от времени и немного потертый на сгибах; тонкая пачка визитных карточек на имя мистера Джоэла Каира; билет в партер на вечерний спектакль в театре «Гири».

Кроме бумажника и его содержимого в карманах Каира обнаружили три шелковых носовых платка яркой расцветки, благоухающих шипром; платиновые карманные часы «Лонжйн» на цепочке из платины и красного золота, на конце которой болтался брелок в форме груши из белого металла; пригоршня американских, британских, французских и китайских монет; кольцо с полудюжиной ключей на нем; отделанная серебром ониксовая авторучка; металлический гребешок в дерматиновом футляре; пилочка для ногтей в дерматиновом чехле; карманный путеводитель по Сан-Франциско; багажная квитанция железнодорожной компании «Сазерн-Пасифик»; полупустой пакетик фиалковых пастилок; визитная карточка шанхайского страхового брокера; четыре листа писчей бумаги из отеля «Бельведер», на одном из которых четким убористым почерком было записано имя Сэмюэля Спейда, адрес его конторы и домашний адрес.

Изучив все это тщательнейшим образом (он даже открыл заднюю крышку часов, проверить, не спрятано ли что-нибудь под ней), Спейд перегнулся через стол к лежащему в отключке посетителю и взялся за его запястье большим и средним пальцами – пощупать пульс. Затем отпустил вялую руку, снова погрузился в кресло, свернул очередную сигарету и закурил. Пока он курил, его лицо, за исключением бесцельно шевелящейся нижней губы, было таким неподвижным и задумчивым, что казалось глуповатым. Однако, когда Каир наконец застонал и веки его затрепетали, лицо Спейда преобразилось – на нем возникло вкрадчиво-вежливое выражение, на губах и в глазах появились даже зачатки дружелюбной усмешки.

Джоэл Каир приходил в себя медленно. Сперва открылись глаза, но прошла целая минута, пока они сосредоточились на определенном куске потолка. Потом он закрыл рот, сглотнул и шумно выдохнул через нос, подтянул одну ногу и ощупал бедро. Потом оторвал голову от спинки кресла, растерянно оглядел кабинет, увидел Спейда и сел прямо. Он открыл было рот, чтобы заговорить, вздрогнул и схватился за то место, куда угодил кулак Спейда и где теперь красовался живописный синяк.

– Я мог застрелить вас, мистер Спейд, – сквозь зубы процедил Каир, морщась от боли.

– Могли попробовать, – допустил Спейд.

– Я не пробовал.

– Знаю.

– Тогда зачем вы ударили меня после того, как разоружили?

– Извините, – сказал Спейд и одарил собеседника волчьей ухмылкой во весь рот, – но представьте и вы себе, как я был сконфужен, когда разговор о пяти тысячах долларов оказался пустым трепом.

– Вы заблуждаетесь, мистер Спейд. Мое предложение было и остается совершенно искренним.

– Что за бред? – совершенно искренне удивился Спейд.

– Я готов заплатить пять тысяч долларов за возвращение статуэтки. – Каир перестал держаться за синяк и снова сел прямо, приняв деловитую позу. – Она у вас?

– Нет.

– Если ее здесь нет, – заметил Каир с очень вежливым скепсисом, – то зачем же тогда вы рисковали получить серьезные травмы, мешая мне поискать ее?

– А я должен сидеть и покорно ждать, пока каждый встречный и поперечный начистит мне физиономию? – Спейд ткнул пальцем в пожитки Каира на столе. – У вас есть адрес моей квартиры. Вы уже побывали там?

– Да, мистер Спейд. Я готов заплатить пять тысяч долларов за возвращение фигурки, но, конечно же, – что вполне естественно, – я сперва попытаюсь избавить владельца от подобных расходов, если это возможно.

– Кто он?

Каир покачал головой и улыбнулся.

– Вам придется простить меня за то, что я не отвечу на этот вопрос.

– Неужели? – подался вперед Спейд, улыбаясь крепко сжатыми губами. – Я держу вас за горло, Каир. Своим появлением здесь вы крепко связали себя со вчерашними убийствами – достаточно крепко, чтобы это устроило полицию. Так что либо выкладывайте, либо...

Каир улыбнулся – кротко и совершенно безмятежно.

– Прежде чем что-то предпринять, я навел о вас довольно подробные справки, – сказал он, – и убедился, что вы слишком благоразумны, чтобы позволить посторонним факторам помешать выгодным деловым отношениям.

Спейд пожал плечами:

– И где они, эти отношения?

– Я предложил вам пять тысяч долларов за...

Спейд похлопал тыльной стороной ладони по бумажнику Каира и сказал:

– Здесь нет ничего похожего на пять тысяч долларов. Вы блефуете. С таким же успехом вы могли предложить мне миллион за розового слона!

– Я понимаю, понимаю, – задумчиво произнес Каир и прищурился. – Вы желаете получить какое-нибудь подтверждение моей искренности. – Он провел кончиком пальца по своей красной нижней губе. – Аванс вас устроит?

– Вполне.

Каир потянулся было к бумажнику, потом передумал, отдернул руку и попросил:

– Не могли бы вы сами достать оттуда, скажем, сто долларов?

Спейд взял бумажник и вынул сотню. Затем нахмурился.

– Лучше пусть будет двести, – сказал он и взял вторую.

Каир промолчал.

– Первая ваша догадка заключалась в том, что птица у меня, – бодро продолжил Спейд, спрятав двести долларов в карман и бросив бумажник обратно на стол. – Но это не так. Какова вторая?

– Что вы знаете, где она, или, точнее, знаете, что она там, где вы сможете до нее добраться.

Спейд не стал ни опровергать, ни подтверждать это предположение; казалось, он вообще слушал собеседника вполуха. Он спросил:

– Чем вы можете доказать, что тот, кого вы представляете, – действительно законный владелец?

– Доказательств, к сожалению, у меня немного. Впрочем, одно есть: никто другой вообще не сможет предоставить никаких достоверных свидетельств права собственности. И если вы знаете об этом деле столько, сколько я предполагаю, – иначе меня бы здесь не было, – то вам известно, что обстоятельства, при которых статуэтка была похищена, говорят о том, что права моего нанимателя на нее куда более весомы, чем чьи-либо еще, и уж точно весомее, чем у Тёрсби.

– А как насчет дочурки? – спросил Спейд.

От волнения Каир выпучил глаза и открыл рот, он покраснел как рак, голос у него стал визгливым.

– Тёрсби – точно не владелец!

– А-а, – произнес Спейд тихо и многозначительно.

– А он сейчас здесь, в Сан-Франциско? – спросил Каир уже не так визгливо, но все равно взволнованно.

Спейд сонно поморгал и предложил:

– Давайте-ка выложим карты на стол, так будет лучше.

Каир слегка дернулся, самообладание вернулось к нему.

– Не думаю, что так лучше. – Его голос теперь звучал более учтиво. – Если вам известно больше, чем знаю я, то я получу выгоду от ваших знаний, но и вы тоже – в размере пяти тысяч долларов. Если же это не так, значит, я ошибся, придя сюда, и, согласившись на ваше предложение, я только усугублю эту ошибку.

Спейд равнодушно кивнул и махнул рукой на вещи, лежащие на столе:

– Ваше барахлишко.

Каир принялся рассовывать все по карманам, а Спейд продолжил:

– Стало быть, если я правильно понял, вы оплачиваете мои текущие расходы, пока я разыскиваю для вас эту черную птицу, а пять тысяч долларов я получу по завершении этого дела?

– Да, мистер Спейд, то есть пять тысяч долларов за вычетом выданного вам аванса – пять тысяч всего.

– Хорошо. И это предложение не противозаконно. – Лицо Спейда было серьезно, только в уголках глаз появились морщинки. – Вы нанимаете меня не для того, чтобы я совершал для вас убийства или кражи со взломом, а просто чтобы вернуть вещицу – по возможности честным и законным способом.

– По возможности, – согласился Каир. Его лицо тоже было серьезно, не считая выражения глаз. – И в любом случае действуйте осмотрительно. – Он встал и взял в руки шляпу. – Я живу в гостинице «Бельведер», если вы пожелаете связаться со мной. Номер шестьсот тридцать пять. Я искренне рассчитываю на большую взаимную выгоду от нашего сотрудничества, мистер Спейд. – Он помялся. – Могу я забрать свой пистолет?

– Конечно, совсем о нем забыл.

Спейд вынул пистолетик из кармана пиджака и отдал Каиру.

Каир направил его Спейду прямо в грудь.

– Будьте так любезны, положите руки на стол, – совершенно серьезно сказал он. – Я намерен обыскать ваши помещения.

– Черт побери, – сказал Спейд, а потом расхохотался во все горло. – Ладно. Валяйте. Не буду вам мешать.

Глава 6

Хвост-недомерок

Еще полчаса после ухода Джоэла Каира Спейд неподвижно сидел один и хмурился. А потом сказал тоном человека, которому все нипочем:

– Что ж, клиент платит. – И вытащил из ящика стола бутылку «Манхэттена» и бумажный стаканчик.

Он наполнил стаканчик на две трети, выпил залпом, спрятал бутылку, выбросил стаканчик в корзину, надел шляпу и пальто, погасил везде свет и вышел на освещенную фонарями ночную улицу.

Малорослый юнец лет двадцати в аккуратной серой кепочке и пальто празднично подпирает стену на углу чуть ниже здания, где располагалась контора Спейда.

Спейд пошел по Саттер-стрит до Керни, где заглянул в табачную лавку, чтобы купить две пачки «Булл Дарема». Выйдя, он опознал давешнего юнца среди четверых пассажиров, ожидавших трамвай на противоположной стороне.

Спейд поужинал в «Гербертс-гриле» на Пауэлл-стрит. Без четверти восемь, когда он покинул гриль-бар, парнишка увлеченно глазел на витрину галантерейного магазина по соседству.

Спейд вошел в отель «Бельведер» и справился о мистере Каире. Ему ответили, что Каир отсутствует. Юнец терпеливо просиживал стул в дальнем углу вестибюля.

Спейд отправился в театр «Гири» и, не застав Каира в фойе, решил дожидаться на тротуаре напротив театра. Молодой человек тем временем прогуливался среди прочих гулявших у ресторана «Марквард» ниже по улице.

В десять минут девятого появился Джоэл Каир и, семеня и подпрыгивая, направился по Гири-стрит. Он, по всей видимости, не заметил Спейда, пока частный детектив не тронул его за плечо. В первый момент Каир слегка удивился, но потом сообразил:

– Ах да, вы же видели билет.

– Угу. Я хочу вам кое-что показать. – Спейд отвел его к бровке тротуара подальше от толпы ожидающих театралов. – Парнишка в кепочке возле «Маркварда».

Тот пробормотал: «Посмотрим» – и взглянул на часы. Потом посмотрел на Гири-стрит и уставился прямо перед собой. Он внимательно изучил афишу с изображением Джорджа Арлисса в роли Шейлока и только после этого до предела скопил свои восточные очи на юнца в кепочке: на его невозмутимое бледное лицо, на загнутые пушистые ресницы, скрывавшие потупленные глаза.

– Кто он такой? – спросил Спейд.

Каир улыбнулся:

– Понятия не имею.

– Таскается за мной по всему городу.

Каир облизнул нижнюю губу и спросил:

– Разумно ли было позволить ему увидеть нас вместе?

– А я почему знаю? – ответил Спейд. – Все равно уже ничего не напишешь.

Каир снял котелок и пригладил волосы рукой в перчатке. Он снова аккуратно водрузил шляпу на место и сказал совершенно искренне:

– Даю вам слово, мистер Спейд, я его не знаю. Даю вам слово, что не имею с ним ничего общего. Я не просил ничьей помощи, кроме вашей, честное благородное слово.

– Значит, он работает на противника?

– Очень может быть.

– Я просто хотел уточнить, потому что, если он начнет надоедать, возможно, мне придется сделать ему больно.

– Делайте все, что считаете нужным. Он мне не друг.

– Это хорошо. Ну, занавес поднимается. Доброй ночи, – сказал Спейд и перешел на другую сторону улицы, чтобы сесть на трамвай, следующий в западном направлении.

В тот же трамвай вскочил и юнец в кепке.

Спейд вышел из вагона на Гайд-стрит и отправился домой. В комнатах не царил кавардак, но все свидетельствовало о том, что здесь произвели обыск. Умывшись и надев свежую рубашку и воротничок, он снова вышел из дома и пошел на Саттер-стрит, где снова сел в трамвай. То же самое сделал и мальчишка.

За шесть кварталов до «Коронета» Спейд слез с трамвая и вошел в вестибюль высокого жилого дома из бурого кирпича. Он нажал три кнопки кодового замка одновременно. Механизм зажужжал, и дверь открылась. Спейд вошел, миновал лифт и лестницу, по длинному коридору с желтыми стенами проследовал в заднюю часть здания, отыскал дверь черного хода, отпер автоматический дверной замок и вышел в узкий внутренний дворик. Дворик выходил на темный проулок, и через два квартала Спейд пересек Калифорния-стрит и вошел в апартаменты «Коронет». Была почти половина десятого.

Пылкая радость, с которой Бриджид О’Шонесси встретила Спейда, говорила о том, что она уже не чаяла его увидеть. На ней было атласное платье модного в этом сезоне синего цвета «артуа» с бретельками, отделанными халцедоном, чулки и туфли в тон платью.

Красно-бежевую гостиную прибрали и оживили цветами в приземистых черно-серебряных керамических вазах. В камине потрескивали три небольших полена с шероховатой корой. Спейд засмотрелся на огонь, пока хозяйка вешала в прихожей его пальто и шляпу.

– Вы принесли мне хорошие новости? – вернувшись в комнату, спросила она. Улыбка не могла скрыть ее тревогу, она ждала ответа, затаив дыхание.

– Мы не станем предавать огласке то, что пока не известно широкой публике.

– Полиции не обязательно знать обо мне?

– Нет.

Она облегченно вздохнула и села на ореховую козетку. С лица ее исчезло напряженное выражение, тело расслабилось. Она улыбнулась и устремила на него снизу вверх восторженный взор.

– Как вам это удалось? – спросила она скорее с изумлением, чем с любопытством.

– В Сан-Франциско почти все можно либо купить, либо взять силой.

– А вы не слишком рискуете? Прошу вас, садитесь. – Она подвинулась, освобождая ему место на козетке.

– Я вовсе не против риска – в разумных пределах, – сказал он почти без бравады.

Он стоял у камина, и его глаза в открытую изучали ее, взвешивали, оценивали. Она слегка зарумянилась под его откровенным, изучающим взглядом, но казалась более уверенной в себе, хотя прежняя застенчивость все еще читалась в ее глазах. Спейд не двигался с места, давая понять, что он намерен пренебречь ее приглашением сесть рядом, но потом подошел к козетке.

– Вы ведь не совсем та, кем притворяетесь? – спросил он, опускаясь на козетку.

– Кажется, я не совсем понимаю, о чем это вы, – глухим голосом сказала она, с недоумением глядя на него.

– Изображаете школьницу, – объяснил он. – Заикаетесь, краснеете и все прочее.

Она вспыхнула и торопливо ответила, отведя взгляд:

– Я уже говорила вам сегодня, что я далеко не пай-девочка... я куда хуже, чем вы можете себе представить.

– Это я и имею в виду, – сказал он. – Вы мне сегодня говорили то же самое – и тем же самым тоном. Речь, которую вы заучили и отрепетировали.

Какое-то мгновение казалось, что она вот-вот расплчется от смущения, но вдруг она рассмеялась и сказала:

– Ладно, мистер Спейд, – да, я совсем не та, кем притворялась. Мне восемьдесят лет, я невообразимо порочная особа и зарабатываю на хлеб литьем чугуна. Но если это маска, то она приросла ко мне, и вы ведь не рассчитываете, что я так легко ее сброшу?

– Конечно же нет, – заверил он. – Было бы хуже, окажись вы действительно настолько наивной. Так у нас ничего не получится.

– Притворству конец, – прижав руку к сердцу, пообещала она.

– Сегодня вечером я виделся с Джоэлом Каиром, – произнес Спейд, будто невзначай.

Веселость ее улетучилась вмиг. Испуганным, настороженным взглядом она обшаривала его повернутое в профиль лицо, но на нем не отражалось ни единой мысли. Вытянув ноги, он рассматривал свои ботинки.

После долгой паузы она с трудом произнесла:

– Вы... вы с ним знакомы?

– Я видел его нынче вечером, – все тем же светским, непринужденным тоном ответил Спейд, не поднимая глаз. – Он собирался в театр – на Джорджа Арлисса.

– Так вы разговаривали с ним?

– Всего пару минут, пока не дали третий звонок.

Она встала с козетки, направилась к камину, поворошила поленья, слегка передвинула фигурку на каминной полке. Потом пошла в другой конец комнаты за пачкой сигарет, лежавшей на столике в углу, расправила штору и вернулась на прежнее место. Теперь лицо ее было спокойным, безмятежным.

Спейд криво ухмыльнулся и похвалил:

– Хорошо держитесь. Очень хорошо.

Выражение ее лица не изменилось. Она тихо спросила:

– Он что-нибудь сказал?

– О чем?

Она помедлила.

– Обо мне.

– Ничего.

Спейд повернулся к ней и поднес зажигалку к ее сигарете. Его неподвижное, непроницаемое лицо напоминало деревянную маску Мефистофеля, в прорезях которой сверкали глаза.

– Так что же он сказал? – спросила она игриво-капризным тоном.

– Предложил мне пять тысяч долларов за черную птичку.

Вздвигнув, девушка прикусила кончик сигареты и испуганно вскинула глаза на Спейда, но тут же отвела взгляд.

– Не хотите ли еще раз пройти до камина, что-нибудь в комнате поправить, то-се? – лениво спросил он.

Она рассмеялась – звонко и весело, бросила покаленную сигарету в пепельницу и подняла на него ясный и веселый взгляд.

– Нет, не хочу, – ответила она. – А вы что ему сказали?

– Пять тысяч долларов – это большие деньги.

Она улыбнулась ему, но, когда вместо ответной улыбки он послал ей мрачный взгляд, улыбка ее стала блеклой, растерянной, а потом и вовсе растаяла. Уголки губ поникли в недоуменной, обиженной гримаске.

– Но вы же не собираетесь ему помогать, правда? – спросила она.

– Почему это? Пять тысяч долларов – это большие деньги.

– Но, мистер Спейд, вы же обещали помочь *мне*. – Она обеими руками схватила его за рукав. – Я доверилась вам. Вы не можете... – Она не договорила, отпустила рукав и судорожно сжала пальцы.

Спейд с мягкой усмешкой заглянул в ее встревоженные глаза.

– Не будем уточнять, насколько вы мне доверились, – сказал он. – Да, я обещал вам помочь, только вы ни словом не обмолвились ни о каких черных птицах.

– Но вы, видимо, все знали, иначе... иначе не стали бы упоминать при мне об этом. Теперь вы точно знаете. Вы не должны... вы не можете... так обойтись со мной.

Мольба застыла в кобальтовой синеве ее глаз.

– Пять тысяч долларов, – в третий раз повторил он, – это большие деньги.

Она вскинула руки и бессильно уронила их, признавая поражение.

– Большие, – обреченным, угасшим голосом согласилась она. – Это гораздо больше, чем я могла бы предложить, чтобы купить вашу преданность.

Спейд рассмеялся. Смех этот был отрывистым и с оттенком горечи.

– Как славно, – сказал он, – что вы это говорите. А что еще я получил от вас, помимо денег? Доверие? Искренность? Как еще вы помогли мне помочь вам? Не пытались ли вы и в самом деле просто купить мою преданность – и ничего больше? Ну, если уж продавать, то почему бы не продать тому, кто заплатит больше?

– Я отдала вам все деньги, что у меня были. – Слезы блеснули в ее глазах, распахнутых так широко, что виднелись белки. Голос был хриплый и дрожал. – И отдала себя на вашу милость, сказав, что без вашей помощи пропаду. Что еще вам нужно? – Внезапно она придвинулась к нему вплотную и яростно крикнула сквозь слезы: – Может, я оплачу вашу верность своим телом?

Их лица были в нескольких дюймах друг от друга. Спейд сжал ее лицо ладонями и поцеловал в губы – грубо, пренебрежительно. Потом отстранился и сказал:

– Я обдумую это предложение.

Лицо его было жестким, разъяренным.

Она сидела неподвижно, держась за онемевшие щеки.

Он встал и сказал:

– Господи, во всем этом нет никакого смысла!

Сделав два шага к камину, он остановился и, стиснув зубы, сердито уставился в огонь.

Она не шевелилась.

Он повернулся к ней. Две вертикальные линии на его побагровевшей переносице стали глубокими расщелинами.

– Плевать мне на вашу искренность, – сказал он, стараясь говорить спокойно. – И на все ваши игрища и секреты, но вы должны хоть чем-то подтвердить, что вы знаете, что делаете.

– Я действительно это знаю. Пожалуйста, поверьте, что я знаю и что лучше бы вам...

– Докажите, – приказал он. – Я готов вам помогать. До сих пор я делал все, что мог. Если необходимо, я продолжу играть с завязанными глазами, но я проиграю, если не буду вам доверять больше, чем доверяю сейчас. Убедите меня, что вы понимаете, во что ввязались, а не просто действуете наобум, вооружившись одними догадками и надеясь, что в конце все как-нибудь образуется.

– А не могли бы вы еще чуть-чуть подождать?

– Как долго продлится это ваше «чуть-чуть»? Да и чего я должен ждать?

Она закусил губу и потупилась.

– Я должна поговорить с Джоэлом Каиром, – сказала она еле слышно.

– Можете встретиться с ним сегодня, – предложил Спейд, взглянув на свои наручные часы. – Спектакль скоро закончится. Мы позвоним к нему в отель.

Она подняла на него тревожные глаза:

– Но только не зовите его сюда. Я не хочу, чтобы он знал, где я живу. Я боюсь.

– Тогда у меня, – предложил Спейд.

В сомнении она поджала губы, затем спросила:

– Думаете, он придет?

Спейд кивнул.

– Хорошо! – воскликнула она и вскочила. Ее глаза расширились и загорелись. – Поедем прямо сейчас!

Она вышла в соседнюю комнату. Спейд подошел к столу в углу и тихонько выдвинул ящик. В нем лежали две колоды игральных карт, пачка карточек для бриджа, латунный шуруп, кусок красной бечевки и золотой карандашик. Он задвинул ящик и как раз закурил сигарету, когда девушка вышла из комнаты в маленькой черной шляпке и пальто из серой лайковой кожи, неся в руках его пальто и шляпу.

* * *

Такси остановилось позади темного седана, припаркованного прямо напротив парадной двери Спейда. За рулем седана сидела Айва Арчер. Спейд приподнял шляпу, приветствуя Айву, и провел в подъезд Бриджид О'Шонесси. В вестибюле он задержался возле скамеек и спросил:

– Вы не подождете меня здесь минутку? Я скоро.

– Да, конечно, – сказала Бриджид О'Шонесси, усаживаясь на скамейку. – Можете не спешить.

Спейд вернулся к седану. Только он открыл дверцу, Айва затараторила:

– Нам нужно поговорить, Сэм. Можно подняться к тебе? – Лицо у нее было бледное и нервное.

– Не сейчас.

Айва клацнула зубами и резко спросила:

– Кто она?

– Айва, у меня всего минута, – терпеливо сказал Спейд. – В чем дело?

– Кто она? – повторила Айва свой вопрос, кивнув на дверь подъезда.

Он отвернулся, оглядывая улицу. Напротив гаража на соседнем перекрестке подпирал стену невысокий парнишка лет двадцати в аккуратной кепочке и пальто. Спейд нахмурился и снова перевел взгляд на требовательное лицо Айвы.

– В чем дело? – спросил он снова. – Что-то случилось? Тебе не следует приезжать сюда так поздно.

– Так вот оно что... – жалобно протянула она. – То ты говоришь, что мне не следует приходить к тебе в контору, теперь мне не следует приезжать сюда. Ты хочешь сказать, что мне не следует бегать за тобой? Тогда почему бы не сказать об этом прямо?

– Ну же, Айва, ты не имеешь права так со мной обращаться.

– Знаю, что не имею. Похоже, у меня вообще нет никаких прав, если дело касается тебя. А я-то думала, что есть. Думала, что твоя притворная любовь ко мне давала мне...

Спейд устало прервал ее:

– Сейчас у меня совсем нет времени спорить с тобой об этом, милая. Зачем ты хотела со мной увидеться?

– Только не здесь. Давай поднимемся к тебе?

– Не сейчас.

– Почему?

Спейд ничего не ответил.

Она стиснула губы в тонкую ниточку, скорчилась за рулем и завела мотор седана, злобно глядя прямо перед собой.

Когда седан тронулся с места, Спейд сказал: «Спокойной ночи, Айва», захлопнул дверцу и стоял у бровки со шляпой в руке, пока автомобиль не скрылся из виду. Тогда он вернулся в подъезд.

Бриджид О'Шонесси встала со скамейки, весело улыбнулась ему, и они поднялись в его квартиру.

Глава 7

Буква «Г», начертанная в воздухе

Спальня Спейда теперь преобразилась в гостиную, поскольку кровать была поднята и спрятана в стенную нишу. Спейд принял у Бриджид О'Шонесси пальто и шляпку, устроил ее поудобнее в мягком кресле-качалке и позвонил в отель «Бельведер». Каир еще не вернулся из театра, поэтому Спейд оставил свой номер с просьбой перезвонить, как только он придет.

Спейд уселся в кресло у стола и с места в карьер принялся рассказывать гостье об одном происшествии, случившемся несколько лет назад на Северо-Западе. Говорил он ровным, будничным голосом, без пауз или акцентов, хотя время от времени повторял какую-нибудь фразу, несколько переиначив ее, словно для него было крайне важно изложить каждую деталь с предельной точностью.

Поначалу Бриджид О'Шонесси слушала его вполуха, она явно была скорее удивлена самим фактом рассказа, чем заинтересована его содержанием. Не рассказ, а цель, с которой он ведется, вызвала в ней любопытство, но по мере продвижения сюжета он захватывал все сильнее и сильнее, и вскоре девушка уже сидела неподвижно, вся обратившись в слух.

Человек по фамилии Флиткрафт как-то раз вышел из своего агентства по недвижимости в Такоме и не вернулся. После четырех часов того же дня он не пришел на игру в гольф, о которой сам же условился менее чем за полчаса до обеда. Жена и дети больше его не видели. Судя по всему, они с женой находились в прекрасных отношениях. У Флиткрафта было двое детей – мальчики пяти и трех лет. Он владел домом в пригороде Такомы, новым «паккардом» и всеми прочими атрибутами американского процветания.

Флиткрафт унаследовал от отца семьдесят тысяч долларов и благодаря своей успешной деятельности на поприще недвижимости к моменту исчезновения обладал капиталом в размере что-то около двухсот тысяч. Все его дела были в порядке, хотя не все концы были увязаны, а это значило, что он не готовился к собственному исчезновению. К примеру, одна сделка, сулившая ему соблазнительную прибыль, была запланирована на день позже того дня, когда он пропал. Предположительно, к тому моменту у него при себе было всего шестьдесят или семьдесят долларов. Вся его жизнь в последние месяцы была на виду, так что ее изучили вдоль и поперек и не обнаружили ни каких-либо тайных пороков, ни даже любовницы, хотя и то и другое было весьма маловероятно.

– Был – и нет, – продолжил Спейд. – Исчез, как исчезает кулак, когда разжимаешь пальцы. В это время зазвонил телефон.

– Алло, – сказал в трубку Спейд, – мистер Каир? Это Спейд. Не могли бы вы приехать ко мне на квартиру на Пост-стрит? Сейчас. Да, я думаю, так и есть. – Он посмотрел на девушку, поджал губы, а потом выпалил: – Здесь мисс О'Шонесси, и она хочет с вами встретиться.

Бриджид О'Шонесси нахмурилась и заерзала в кресле, но ничего не сказала.

Спейд положил трубку и сообщил:

– Он будет здесь через несколько минут. Так вот, это все происходило в двадцать втором году. А в двадцать седьмом я работал в Сиэтле, в одном из крупнейших тамошних детективных агентств. К нам пришла миссис Флиткрафт и сказала, что кто-то видел в Спокане человека, внешне очень похожего на ее мужа. Я поехал туда. Это и в самом деле был Флиткрафт. Он жил в Спокане уже пару-тройку лет под именем Чарльза Пирса. У него был автомобильный бизнес, приносивший ему двадцать – двадцать пять тысяч в год, жена и маленький сын, он владел домом в пригороде Спокана и каждый сезон имел обыкновение играть в гольф после четырех часов дня.

Как рассказал Спейд, ему не дали каких-то определенных указаний, что делать, если он найдет Флиткрафта. Они поговорили в номере Спейда в Дэвенпорте. Угрызениями совести

Флиткрафт вовсе не терзался. Он оставил первую семью хорошо обеспеченной, и его поступок ему казался совершенно резонным. Единственное, что его беспокоило, – сомнения, что он сможет донести эту резонность до Спейда. Прежде он никого не посвящал в эту историю, и, следовательно, доказывать ничего не приходилось. Теперь же он предпринял попытку.

– Я-то его понял, – сказал Спейд Бриджид О’Шонесси. – А вот миссис Флиткрафт так и не поняла. Она сочла его поступок чистейшим идиотизмом. Может, так оно и было. В любом случае, все уладилось. Скандал ей был не нужен, а после той шутки, которую сыграл с ней муж, поставив ее в такое положение, она больше не желала его возвращения. Так что они по-тихому развелись, и все стало опять чин чином. А дело было вот как. По пути на обед он проходил мимо строящегося офисного здания – пока возвели только каркас. И вот какая-то балка, или бревно, или еще что-то в этом роде падает с высоты не то восьмого, не то десятого этажа на тротуар рядом с ним. Пролетает совсем близко, но его не задевает, однако при ударе о мостовую от бревна откалывается щепка и вонзается ему в щеку. Он отделался лишь неглубокой ссадиной, но шрам остался – я сам его видел. Флиткрафт тер его пальцем – этак любовно поглаживал – когда рассказывал мне об этом. Конечно, он испугался до смерти – по его словам, но у меня сложилось впечатление, что это был скорее шок, чем страх. Словно кто-то снял крышку с жизненного котла и позволил ему заглянуть в это варево. Флиткрафт всегда был добропорядочным гражданином, супругом и отцом – но вовсе не по принуждению, а просто потому, что он был человеком, которому наиболее комфортно жилось в гармонии со своим окружением. Так его воспитали. И всех тех, кого он знал. Его прежняя жизнь была беспорочной, упорядоченной, разумной и ответственной. А теперь упавшая балка показала ему, что ничего подобного в его жизни нет. И он – благонамеренный гражданин, примерный супруг, заботливый отец – запросто мог быть сметен с лица земли по пути от офиса к ресторану случайно упавшим бревном. Тогда он понял, что человек может умереть вот так или остаться в живых, но только по воле слепого случая. Но несправедливость – не главное, что его беспокоило, он признал это, как только схлынуло первое потрясение. Его больше встревожило открытие, что он, разумно устроявая свои дела, на самом деле не шел в ногу с жизнью, а, напротив, не попадал с ней в ногу. Он сказал мне, что и двадцати шагов не сделал от злополучной балки, как уже понял, что не обретет покоя, пока не приучит себя к этому новому взгляду на жизнь. К концу обеда он придумал способ, как это сделать. Его жизнь могла оборваться из-за случайно упавшей балки – он же изменит свою жизнь случайным образом, просто исчезнув. По его словам, он любил свою семью настолько, насколько это положено, но он знал, что семья остается вполне обеспеченной, а его привязанность к родным была не того рода, чтобы сделать разлуку мучительной. В тот же день он уехал в Сиэтл. А оттуда на пароходе в Сан-Франциско. Поскитавшись пару лет по округе, он вернулся на Северо-Запад, осел в Спокане и женился. Внешне его вторая жена ничем не напоминала первую, но в них было больше сходства, чем различий. Ну, знаете таких женщин – добросовестно играют в гольф и бридж, любят новые рецепты салатов. Он не слишком сожалел о том, что сделал. Ему это казалось вполне логичным. Я думаю, он даже не осознавал, что совершенно естественно вернулся в ту же самую колею, из которой выскочил в Такоме. И вот что мне особенно нравится в этой истории. Он приспособился к падающим балкам, а потом балки падать перестали, и он приспособился к тому, что они не падают.

– Это совершенно восхитительная история, – сказала Бриджид О’Шонесси. Она встала с кресла и подошла к нему вплотную. Ее глаза светились глубокой синевой. – Мне не нужно говорить вам, в каком невыгодном положении я могу оказаться по вашей милости, когда придет Каир.

Спейд улыбнулся, не разжимая губ, одними уголками.

– Нет, говорить не нужно, – согласился он.

– И вы понимаете, что я никогда не позволила бы себе оказаться в таком положении, если бы не доверяла вам всецело. – Большим и указательным пальцами она крутила пуговицу на его синем пиджаке.

– Снова-здорово! – воскликнул Спейд с притворным смирением.

– Но вы знаете, что так и есть, – не унималась она.

– Нет, не знаю. – Он похлопал по руке, теребившей пуговицу. – Я спрашиваю, с какой стати я должен доверять вам, исходя из тех причин, что привели нас сюда. Давайте не будем смешивать и путать. В любом случае вам нет нужды доверяться мне, пока вы не убедите меня довериться вам.

Она разглядывала его лицо. Ноздри ее затрепетали.

Спейд рассмеялся, снова похлопал ее по руке и сказал:

– Теперь не время об этом волноваться. Он будет здесь с минуты на минуту. Уладьте с ним свои дела, а потом посмотрим, на каком мы свете.

– И вы позволите мне поступить... с ним... по-своему?

– Конечно.

Она развернула руку под его ладонью и, переплетя свои пальцы с его пальцами, нежно проворковала:

– Вас мне сам Бог послал.

Спейд ответил:

– Не переусердствуйте только.

Она с укоризненной улыбкой заглянула ему в глаза и снова села в кресло-качалку.

Джоэл Каир был на взводе. Его темные глаза превратились в сплошные зрачки, тонкий голос завибрировал, стоило только Спейду приоткрыть дверь:

– Мальчишка на улице, следит за домом, мистер Спейд. Тот самый, которого вы мне показали или которому вы показали меня возле театра. Как мне это понимать, мистер Спейд? Я пришел сюда с добрыми намерениями, не помышляя о хитростях и ловушках.

– Вас и пригласили с добрыми намерениями, – сосредоточенно нахмурился Спейд. – Но мне следовало догадаться, что он может появиться. Он видел, как вы вошли в дом?

– Естественно. Я мог бы пройти мимо, но счел это бесполезным, поскольку вы уже позволили ему увидеть нас вместе.

Бриджид О’Шонесси показала в прихожей за спиной Спейда и встревоженно спросила:

– Какой мальчишка? Что стряслось?

Каир снял черную шляпу, чопорно поклонился и учтиво сказал:

– Если не знаете, то спросите мистера Спейда. Мне самому известно только то, что я от него узнал.

– Какой-то малец весь вечер пытается сесть мне на хвост, – беззаботно сказал Спейд через плечо, не оборачиваясь к девушке лицом. – Давайте-ка входите, мистер Каир. Нет смысла посвящать соседей в наши секреты.

Бриджид О’Шонесси схватила Спейда за руку выше локтя и требовательно спросила:

– Он проследил за вами до моей квартиры?

– Нет, я стряхнул его перед этим. Тогда, судя по всему, он вернулся сюда, чтобы попробовать снова прицепиться.

Каир, обеими руками прижимая шляпу к животу, вошел в прихожую. Спейд закрыл за ним дверь в общий коридор, и они прошли в гостиную.

Там Каир отвесил еще один чопорный поклон и сказал:

– Я счастлив видеть вас снова, мисс О’Шонесси.

– Я и не сомневалась в этом, Джо, – ответила она, протягивая ему руку.

Он церемонно склонился над ее рукой и быстро выпустил ее.

Она расположилась все в том же кресле-качалке. Каир выбрал кресло у стола. Спейд, повесив пальто и шляпу Каира в стенной шкаф, уселся на край дивана под окном и принялся сворачивать сигарету.

Бриджид О'Шонесси повернулась к Каиру:

– Сэм сообщил мне о вашем предложении насчет сокола. Как скоро вы сможете добыть деньги?

Брови Каира вздернулись. Он улыбнулся.

– Они готовы. – Он поулыбался девушке еще чуть-чуть, а потом перевел взгляд на Спейда.

Спейд как раз прикуривал сигарету. Лицо его было безмятежно.

– Наличными? – уточнила девушка.

– О да, – ответил Каир.

Она нахмурилась, высунула кончик языка, спрятала его и сказала:

– Вы готовы немедленно заплатить нам пять тысяч долларов, если мы отдадим вам сокола?

Каир поднял дрожащую руку.

– Прошу прощения, – сказал он, – я неясно выразился. Я не имел в виду, что ношу эту сумму в карманах, но я способен получить деньги за несколько минут в рабочие часы банка.

– О! – Она посмотрела на Спейда.

Спейд выдохнул облачко сигаретного дыма за пазуху своего жилета и сказал:

– Наверное, так и есть. Сегодня, когда я его обыскивал, у него в карманах нашлось всего несколько сотен.

Когда ее глаза округлились, он усмехнулся.

Левантиец подался вперед, не вставая с кресла. Ему не удалось скрыть нетерпение, читавшееся в его глазах и сквозившее в голосе.

– Я могу приготовить деньги, скажем, к половине одиннадцатого утра. Идет?

– Но у меня нет сокола, – с улыбкой ответила Бриджид О'Шонесси.

Лицо Каира потемнело от досады. Он уперся своими уродливыми ладонями в подлокотники, держа тшедушное тельце прямо и неподвижно между ними. Его черные глаза глядели злобно. Он ничего не сказал.

Девушка состроила ему притворно-примирительную гримасу:

– Я получу его самое позднее через неделю.

– Где же он? – спросил Каир, учтивой миной выражая скептицизм.

– Там, куда его спрятал Флойд.

– Флойд? Тёрсби?

Она кивнула.

– И вы знаете куда? – спросил он.

– Думаю, да.

– Так почему мы должны ждать целую неделю?

– Возможно, не целую неделю. Для кого вы покупаете его, Джо?

Каир вскинул брови:

– Я уже сказал мистеру Спейду – для его владельца.

На лице девушки отразилось удивление.

– Так вы вернулись к нему?

– Конечно вернулся.

Она тихо и от души рассмеялась и сказала:

– Хотела бы я видеть эту встречу.

Каир пожал плечами.

– Вполне логичное развитие событий. – Он потерял тыльную сторону одной руки ладонью другой. Веки его опустились, прикрыв глаза. – Могу ли я задать встречный вопрос: почему вы решили продать его мне?

– Я боюсь, – отрезала она. – После того, что случилось с Флойдом. Вот потому-то у меня его сейчас и нет. Я боюсь даже прикасаться к нему – разве что сразу же передам его кому-то другому.

Спейд, поставив локоть на подлокотник дивана, бесстрастно смотрел на них и слушал. В приятной расслабленности его тела, в непринужденной неподвижности черт не было ни намека на любопытство или нетерпение.

– А что именно, – понизил голос Каир, – случилось с Флойдом?

Кончик указательного пальца правой руки Бриджид О'Шонесси стремительно начертил в воздухе заглавную букву «Г».

– Понятно, – сказал Каир, но в его улыбке проскальзывало некоторое сомнение. – Он здесь?

– Я не знаю, – ответила она нетерпеливо. – А какая разница?

Сомнение в улыбке Каира стало заметнее.

– Разница может быть огромная, – сказал он и положил руки на колени так, что – намеренно или случайно – его тупой указательный палец устоялся на Спейда.

Девушка взглянула на указующий перст и нетерпеливо дернула головой.

– Или я, – сказала она. – Или вы.

– Вот именно, и надо, наверное, прибавить мальчишку, который дежурит снаружи?

– Да, – согласилась она со смехом. – Да, если только это не тот, что был при вас в Константинополе.

Кровь бросилась в лицо Каиру. Его пронзительный голос зазвенел от ярости:

– Тот, что оказался вам не по зубам?

Бриджид О'Шонесси вскочила с кресла. Она прикусила нижнюю губу, глаза ее потемнели и казались огромными на мертвенно-бледном лице. Она сделала два стремительных шага в сторону Каира. Он поднимался с кресла, когда ее правая рука ударила его по лицу, оставив на нем следы ладони.

Каир хрюкнул и отвесил ей пощечину, от которой она покачнулась. С губ ее сорвался сдавленный, отрывистый крик.

К тому времени Спейд с каменным лицом встал с дивана и подошел к ним поближе. Он взял Каира за горло и встряхнул. Каир забулькал и сунул руку в нагрудный карман. Спейд перехватил запястье левантийца, вывернул, силой отвел в сторону и выкручивал до тех пор, пока неуклюжие пальцы не ослабели и не разжались, выпустив на ковер черный пистолетик.

Бриджид О'Шонесси мгновенно подобрала пистолет.

Каир, с трудом – поскольку глотку ему сжимали Спейдовы пальцы – выдавил:

– Вы уже второй раз прикасаетесь ко мне. – Его глаза, выпученные из-за удушающей хватки, глядели холодно и угрожающе.

– Да, – прорычал Спейд. – И когда тебе дадут пощечину, ты ее примешь и обрадуешься. – Он выпустил запястье Каира и открытой ладонью отвесил ему три смачные оплеухи по лицу.

Каир хотел было плюнуть Спейду в лицо, но пересохшие губы левантийца смогли только бессильно и гневно дунуть. Спейд ударил эти губы, разбив нижнюю в кровь.

Раздался звонок в дверь.

Каир метнул тревожный взгляд в сторону прихожей, ведущей к двери в общий коридор. Злость его мигом улетучилась.

Девушка тоже ахнула и обернулась в сторону прихожей. Ее лицо было испуганным. Спейд мгновение мрачно созерцал кровь, стекавшую с губы Каира, а потом отступил на шаг, убрав руку с горла левантийца.

– Кто это? – прошептала девушка, подкравшись к Спейду. Глаза Каира тоже дернулись в его сторону, задавая тот же вопрос.

Спейд раздраженно ответил сразу обоим:

– Я не знаю.

Звонок раздался снова – на этот раз звонили более требовательно.

– Так, сохраняем спокойствие, – сказал Спейд и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь в прихожую.

* * *

Спейд включил свет в прихожей и отворил дверь в коридор. Там стояли лейтенант Данди и Том Полхаус.

– Привет, Сэм, – сказал Том. – Мы тут подумали, может, ты еще не спишь.

Данди кивнул, но ничего не прибавил.

Спейд доброжелательно сказал:

– Привет, ребята, вы всегда выбираете отличное время для визитов ко мне. Что на этот раз?

Теперь заговорил Данди.

– Мы хотим поговорить с вами, Спейд, – тихо сказал он.

– Ну? – Спейд стал между ними и дверью в комнату, загородив проход. – Валяйте, говорите.

Том Полхаус выступил вперед и сказал:

– Нам же необязательно торчать здесь, можем мы войти?

Спейд встал перед дверью и ответил:

– Нет, не можете. – Его голос звучал чуточку виновато.

Том бы почти одного роста со Спейдом и смотрел ему прямо в лицо. Его грубые черты изобразили дружелюбную насмешку, а в маленьких пронизательных глазках вспыхнул огонек.

– Что за черт, Сэм? – возразил он и шутливо положил свою большую ладонь Спейду на грудь.

Напирая на эту ладонь и скалясь по-волчьи, Спейд сказал:

– Применишь ко мне силу? А, Том?

– Ах, да бога ради! – проворчал Том и убрал руку.

Данди со щелчком стиснул зубы и сказал сквозь них:

– Дайте нам войти.

Спейд показал клыки, подняв верхнюю губу, и сказал:

– Вы не войдете. Что вы там забыли? Будете прорываться? Или поговорим здесь – или катитесь к чертовой бабушке!

Том издал разочарованный стон.

Данди процедил сквозь зубы с тем же неприязненным выражением:

– Спейд, как бы вам не заиграться. Вам долго сходило с рук и то и это, но вечно так продолжаться не может.

– Попробуйте меня остановить, – с вызовом ответил Спейд.

– Так я и сделаю. – Данди заложил руки за спину и приблизил свое лицо к лицу частного детектива. – Ходят слухи, что жена Арчера изменяла ему с вами.

Спейд засмеялся.

– Звучит так, будто вы сами это выдумали.

– Значит, ничего подобного не было?

– Ничего подобного.

– Еще говорят, – сказал Данди, – что она пыталась получить развод, чтобы выйти за вас, но он ей развода не дал. Было такое?

– Нет.

– А еще поговаривают, – не сдавался Данди, – что именно из-за этого его прикончили. Спейд, похоже, слегка удивился.

– Ну, тут вы хватили через край, – сказал он. – Не стоит пытаться припаять мне все убийства одновременно. Ваша первоначальная версия о том, что я укокошил Тёрсби, потому что тот убил Майлза, разваливается, если вы обвиняете меня в убийстве Майлза.

– Вы не можете утверждать, что слышали, как я обвинил вас в убийстве кого бы то ни было, – сказал Данди. – Это вы сами так говорите. Но предположим, что я обвинил. Вы могли прикончить их обоих. Такое вполне можно представить себе.

– Угу. Я мог убить Майлза, чтобы заполучить его жену, а потом Тёрсби, чтобы повесить на него убийство Майлза. Чертовски замечательная схема, ну, или я ее сделаю таковой, когда найду кого пришить, чтобы повесить на него уже самого Тёрсби. И как долго, вы полагаете, мне придется продолжать в том же духе? Собираетесь отныне сваливать на меня все убийства в Сан-Франциско?

Том сказал:

– Хватить ломать комедию, Сэм. Ты сам знаешь, черт бы тебя побрал, что нам нравится все это не больше, чем тебе, но мы должны выполнять свою работу.

– Я надеюсь, ваша работа заключается не только в том, чтобы являться сюда с утра пораньше с кучей чертовски глупых вопросов.

– И получать на них чертовски лживые ответы, – прибавил Данди.

– Полегче на поворотах, – предупредил его Спейд.

Данди смерил его взглядом с ног до головы, а потом посмотрел прямо в глаза.

– Если вы утверждаете, что между вами и женой Арчера ничего не было, – сказал он, – то вы лжец, и я говорю вам это в лицо.

В маленьких глазках Тома мелькнул испуг.

Спейд облизал губы и спросил:

– Это и есть та самая горячая наводка, которая привела вас сюда в столь неурочное ночное время?

– Одна из них.

– А остальные?

Данди опустил уголки губ.

– Впустите нас. – Он со значением кивнул на дверь, которую загораживал Спейд.

Спейд нахмурился и отрицательно покачал головой.

Уголки рта Данди приподнялись в ухмылке, выражающей мрачное удовлетворение.

– Должно быть, что-то в этом есть, – сказал он Тому.

Том помялся с ноги на ногу, не глядя на коллегу, и пробормотал:

– Бог его знает.

– Это что у вас? – спросил Спейд. – Игра в шарады?

– Ладно, Спейд, мы уходим. – Данди застегнул пальто. – Мы будем за вами присматривать. Может, вы и не все за собой подчистили. Подумайте над этим.

Из гостиной Спейда донесся пронзительный крик:

– На помощь! На помощь! Полиция! Спасите!

Голос – высокий, тонкий, визгливый – принадлежал Джоэлу Каиру.

Лейтенант Данди, который уже почти отвернулся от двери, снова встал лицом к Спейду и решительно произнес:

– Пожалуй, мы все же войдем.

Послышалась возня, звуки борьбы, удар, сдавленный крик.

Лицо Спейда перекосила усмешка, в которой было мало радости.

Он сказал:

– Пожалуй, да. – И уступил дорогу.

Когда полицейские вошли в гостиную, он закрыл входную дверь и проследовал за ними.

Глава 8

Бред сивой кобылы

Бриджид О'Шонесси скорчилась в кресле у стола. Руки прикрывали голову, задранные колени загораживали нижнюю часть лица. Вытаращенные глаза были полны ужаса.

Над ней стоял Джоэл Каир с пистолетом в руке – с тем самым, что Спейд недавно отобрал у него. Другой рукой он держался за лоб. Кровь струилась сквозь пальцы и заливала глаза. Тонкий ручеек из разбитой губы прочертил три волнистые линии на подбородке.

Каир не обратил внимания на вошедших детективов. Он злобно смотрел прямо перед собой – на девушку, съездившую в кресле. Губы его судорожно сжимались и разжимались, но ни единого внятного звука не было слышно.

Данди, первым из троих вошедший в гостиную, бросился к Каиру, одной рукой потянувшись к кобуре под пальто, а другой перехватив запястье левантийца, и прорычал:

– Что это вы делаете?

Каир отнял окровавленную руку ото рта и помахал ею у Данди перед носом. На лбу зияла рваная рана дюйма в три – не меньше.

– А вот что *она* сделала! – закричал он. – Смотрите!

Девушка опустила ноги на пол и перевела настороженный взгляд с Данди, сжимавшего кисть Каира, на Тома Полхауса, стоявшего чуть позади него, потом на Спейда, подпиравшего дверной косяк. Лицо Спейда было непроницаемо. Когда их взгляды встретились, в его желто-серых глазах мелькнула злобная насмешка, а потом они снова стали бесстрастными.

– Ваша работа? – спросил девушку Данди, кивнув на рассеченный лоб Каира.

Она снова посмотрела на Спейда. Тот никак не ответил на ее немой призыв. Прислонившись к дверному косяку, он наблюдал за всеми, кто находился в комнате, с вежливым равнодушием постороннего.

Девушка подняла глаза на Данди. Темно-синие, большие как плоски, честные глаза.

– Мне пришлось, – сказала она низким, дрожащим голосом. – Я была здесь с ним совсем одна, и он напал на меня. Я не сумела... Я старалась удержать его на расстоянии... Но... но не смогла заставить себя выстрелить в него.

– Ах ты, лгунья! – заорал Каир, безуспешно пытаясь вырвать из цепкой хватки Данди свою руку с пистолетом. – Ах ты, грязная лгунья! – Он извернулся, чтобы посмотреть в лицо Данди. – Это гнусное вранье! Я пришел сюда с добрыми намерениями, а они вдвоем на меня набросились, и, когда вы позвонили, он вышел поговорить с вами, оставив ее здесь с пистолетом, а потом она сказала, что они убьют меня, как только вы уйдете, и тогда я позвал на помощь, чтобы вы не ушли, бросив меня здесь на верную смерть, а она ударила меня пистолетом.

– Ладно, отдайте-ка мне эту штучку, – велел Данди и вырвал пистолет у Каира. – А теперь давайте все проясним. Зачем вы сюда пришли?

– Он меня позвал. – Каир вывернул голову и воинственно воззрился на Спейда. – Он позвонил мне и пригласил прийти.

Спейд сонливо заморгал, глядя на левантийца, но не проронил ни слова.

Данди спросил:

– Что ему от вас было нужно?

Каир воздержался от ответа, пока не вытер окровавленный лоб и подбородок шелковым платком с лиловой каймой. К тому времени осторожность частично возобладала над его негодованием.

– Он сказал, что он хочет... что *они* хотят... меня видеть. Я не знал зачем.

Том Полхаус пригнул голову, втянул носом шипровый аромат, который источал носовой платок, и, повернув голову, вопросительно посмотрел на Спейда. Спейд подмигнул ему и продолжил сворачивать сигарету.

Данди спросил:

– Ну, и что случилось, когда вы пришли?

– Они на меня напали. Сперва меня ударила она, а потом он придушил меня и вытащил из кармана пистолет. Я не знаю, что бы они сделали со мной дальше, если бы в этот момент не появились вы. Осмелюсь предположить, что они лишили бы меня жизни. Когда он пошел открывать, то оставил ее здесь с пистолетом сторожить меня.

Бриджид О’Шонесси вскочила с кресла.

– Почему вы не заставите его сказать правду? – крикнула она и ударила Каира по лицу. Каир неестественно взвизгнул.

Данди толкнул девушку обратно в кресло свободной рукой и прорычал:

– Прекратите немедленно!

Спейд, прикурив сигарету, мягко усмехнулся сквозь клубы дыма и сказал Тому:

– Импульсивная дамочка.

– Ага, – согласился Том.

Данди спросил, грозно глядя на девушку:

– А что, по-вашему, мы должны считать правдой?

– Да уж не то, что он сказал. Он не сказал ни слова правды. – Она повернулась к Спейду. – Так ведь?

– Откуда я знаю? – отозвался Спейд. – Я ведь был на кухне и взбивал омлет, когда все это случилось.

Она наморщила лоб, не сводя с него затуманенных недоумением глаз.

Том с отвращением хмыкнул.

Данди, по-прежнему сверля девушку взглядом, проигнорировал реплику Спейда и спросил ее:

– Если он лжет, почему на помощь звал он, а не вы?

– Он же до смерти перетрусил, когда я его стукнула, – ответила она, пренебрежительно глядя на левантыйца.

Лицо Каира вспыхнуло в тех местах, которые не были перепачканы кровью.

– Фу-у! – воскликнул он. – Очередная ложь!

Она лягнула его в ногу, угодив острым каблуком синей лодочки чуть ниже колена.

Данди предусмотрительно оттащил Каира подальше, а великан Том подошел к ней вплотную и пророкотал:

– Полегче, сестричка. Веди себя прилично.

– Тогда заставьте его сказать правду, – гневно потребовала она.

– Заставим, непременно заставим, – пообещал Том. – Только не надо грубить.

Данди, не сводя со Спейда своих упорных, блестящих и довольных зеленых глаз, обратился к подчиненному:

– Что ж, Том, думаю, мы не ошибемся, если заберем их всем скопом.

Том мрачно кивнул.

Спейд покинул дверной проем и прошел к центру комнаты, бросив по пути окурочку в пепельницу на столе. Ни улыбка, ни все его поведение в целом не утратили дружелюбия и сдержанности.

– Не спешите, – сказал он. – Всему найдется объяснение.

– Держу пари, найдется, – согласился Данди, ухмыляясь.

– Мисс О’Шонесси, – обратился Спейд к девушке, – позвольте вам представить лейтенанта Данди и детектива-сержанта Полхауса. – Он кивнул Данди. – Мисс О’Шонесси – оперативница, работающая на меня.

Джоэл Каир запальчиво возразил:

– Это не так. Она...

Спейд перебил его, чуть повысив голос, но по-прежнему добродушно:

– Я только недавно нанял ее. Вчера. Это мистер Джоэл Каир, друг – ну, во всяком случае, знакомый – Тёрсби. Сегодня днем он пришел ко мне и попытался нанять меня, чтобы найти одну вещь, которая, предположительно, была у Тёрсби, когда его прикончили. То, как мистер Каир это преподнес, было просто смешно, так что я не стал ввязываться. Затем он вытащил пистолет – ну, это ерунда, если только не дойдет до взаимных обвинений. Как бы то ни было, обсудив эту тему с мисс О’Шонесси, я подумал, что, возможно, смогу вывести у него что-нибудь об убийствах Майлза и Тёрсби, поэтому я попросил его прийти сюда. Возможно, наши вопросы были немного резковаты, но он не пострадал, не настолько, чтобы звать на помощь. И мне снова пришлось отнимать у него оружие.

Пока Спейд говорил, на покрасневшем лице Каира проступала тревога. Глаза его судорожно заматались между полом и Спейдом.

Данди повернулся к Каиру и требовательно спросил:

– Итак, что вы на это скажете?

Каир почти минуту ничего не мог сказать, только сверлил взглядом грудь лейтенанта. Когда он поднял глаза, в них читались смущение и настороженность.

– Я не знаю, что говорить, – пробормотал он. Его смущение казалось неподдельным.

– Попробуйте изложить факты, – подсказал Данди.

– Факты? – Глаза Каира забегали, умудряясь при этом смотреть в глаза лейтенанту. – А какие у меня гарантии, что этим фактам поверят?

– Хватит тянуть время. Все, что вам нужно сделать, – это подать заявление, что они на вас напали, и судебный клерк поверит вам настолько, что выпишет ордер, который позволит нам засадить их за решетку.

– Валийте, Каир, – весело предложил Спейд. – Сыграйте ему на руку. Скажите ему, что сделаете это, и тогда мы с девушкой накатаем встречную жалобу, и он закроет всех нас.

Данди шумно выдохнул через нос, не то фыркнул, не то хрюкнул и сказал:

– Берите свои шляпы.

Тревожные глаза Каира, в которых читался немой вопрос, встретились с насмешливым взглядом Спейда. Спейд подмигнул ему и присел на подлокотник кресла-качалки.

– Что ж, мальчики и девочки, – сказал он, ухмыляясь левантийцу и девушке, и в его ухмылке, как и в его голосе, не было ничего, кроме чистейшего восторга, – мы все обставили как нельзя лучше.

Жесткая квадратная физиономия Данди потемнела еще больше. Он повторил тоном, не терпящим возражений:

– Берите свои шляпы.

Спейд повернулся с той же ухмылкой к лейтенанту, поерзал, устраиваясь поудобнее на подлокотнике, и лениво поинтересовался:

– Совсем, что ли, шуток не понимаете?

Физиономия Тома Полхауса налилась кровью.

Лицо Данди было мрачно и неподвижно, только губы, не разжимаясь, шевельнулись, чтобы процедить:

– В Управлении поговорим.

Спейд встал и засунул руки в карманы брюк. Он выпрямился, чтобы смотреть на лейтенанта сверху вниз. В его улыбке сквозила насмешка, каждая линия его позы говорила о полной уверенности в себе.

– Давайте, Данди, возьмите нас, – сказал он, – и мы посмеемся над вами во всех газетах Сан-Франциско. Вы же не думаете, что мы станем выдвигать обвинения друг против друга? Проснитесь. Вас провели, как младенца. Когда позвонили в дверь, я сказал мисс О’Шонесси и Каиру: «Снова эти чертовы копы. Они становятся навязчивыми. Давайте сыграем с ними шутку. Когда они соберутся уходить, пусть кто-то из вас закричит, и мы посмотрим, сколько они будут трепыхаться, прежде чем сорвутся с крючка». И вот...

Бриджид О’Шонесси согнулась пополам и зашлась истерическим смехом.

Каир вздрогнул и улыбнулся. В его улыбке не было жизни, но он прочно зафиксировал ее на лице.

Том насупился и проворчал:

– Прекрати, Сэм.

Спейд хохотнул и сказал:

– Но так все и было. Мы...

– И кто же разбил ему голову и губу? – с издевкой спросил Данди. – Откуда у него раны?

– У него спросите, – предложил Спейд. – Может, он порезался, когда брился.

Каир заговорил еще до того, как его спросили, и мышцы на его лице подрагивали от напряжения, сиюсь удержать улыбку на месте, пока он торопливо объяснял:

– Я упал. Мы собирались изобразить борьбу за пистолет, когда вы вошли, но я упал. Зацепился за край ковра и упал, когда мы притворялись, что боремся.

Данди сказал:

– Бред сивой кобылы.

Спейд возразил:

– Хотите верьте, хотите нет, но все так и было. Штука в том, что это наша история, и мы будем ее придерживаться. Газеты напечатают ее в любом случае – поверят они в нее или нет, и это будет так же забавно, как и все остальное, или даже больше. И что вы с этим поделаете? Ведь подшутить над копами – не преступление? Здесь вам ничего не светит ни от кого из нас. Все, что мы сказали, – часть розыгрыша. И что вы станете с этим делать?

Данди отвернулся от Спейда и схватил за плечи Каира.

– Вам это с рук не сойдет, – прорычал он, встряхивая левантийца. – Вы зывали о помощи – так получите ее!

– Нет, сэр, – пролепетал Каир. – Это была шутка. Он сказал, что вы его друзья и все поймете.

Спейд засмеялся.

Данди грубо развернул Каира, теперь держа его за кисть и загривок.

– Все равно я вас задерживаю за хранение оружия, – сказал он. – А остальные пойдут свидетелями, и посмотрим, кто будет смеяться последним.

Глаза Каира испуганно дернулись вбок и остановились на лице Спейда.

Спейд сказал:

– Данди, не будьте тупицей. Пистолет был частью реквизита. Это один из моих. – Он засмеялся. – Жаль, калибр всего лишь тридцать второй, а то ведь вы могли бы установить, что именно из этой пушки застрелили Тёрсби или Майлза.

Данди отпустил Каира, повернулся на каблуках и правым кулаком ударил Спейда в подбородок.

Бриджид О’Шонесси коротко вскрикнула.

Улыбка Спейда погасла в момент удара, но тут же вернулась, на этот раз в ней появилась некая мечтательность. Он выпрямился, сделал небольшой шаг назад, и мускулы на его пока-

тых плечах заиграли под пиджаком. Прежде чем взлетел его кулак, Том Полхаус втиснулся между двумя противниками лицом к Спейду, загораживая Спейдовым рукам пространство для маневра обширным пузом и собственными ручищами.

– Нет, нет, боже упаси! – взмолился Том.

Спейд застыл и долго стоял неподвижно, а потом его мускулы расслабились.

– Тогда убери его отсюда, да поживей, – сказал он. Улыбка опять исчезла, лицо его помрачнело и стало каким-то блеклым.

Том, стоя вплотную к Спейду и не выпуская его руки, обернулся через плечо к лейтенанту Данди. Его маленькие глазки глядели укоризненно.

Данди крепко врос в пол в боевой стойке, чуть расставив ноги и держа перед собой кулаки, но тонкие белые ободки, возникшие было между зеленой радужкой и верхними веками свирепо выкаченных глаз, мало-помалу исчезали.

– Запиши их имена и адреса, – приказал он.

Том посмотрел на Каира, и тот споро продиктовал:

– Джоэл Каир, отель «Бельведер».

Прежде чем Том успел задать вопрос девушке, Спейд сказал:

– Вы всегда можете связаться с мисс О’Шонесси через меня.

Том перевел взгляд на Данди. Данди пробурчал:

– Возьми у нее адрес.

– Ее адрес – конфиденциальная информация в ведении моей конторы.

Данди сделал шаг вперед и остановился перед девушкой.

– Где вы живете? – спросил он.

Спейд обратился к Тому:

– Убери его отсюда. С меня хватит.

Том заглянул в глаза Сэма – холодные и мерцающие – и пробормотал:

– Полегче, Сэм. – Он застегнул пальто на все пуговицы, повернулся к Данди и спросил с нарочитой небрежностью: – Ну что, это всё? – И шагнул к двери.

Насупленный Данди всем своим видом выражал, что это далеко не «всё».

Внезапно Каир бросился к двери со словами:

– Я тоже ухожу, мистер Спейд, будьте так добры подать мне пальто и шляпу.

Спейд спросил:

– Что за спешка?

Данди злобно проворчал:

– Было так весело, но вы все равно боитесь остаться с ними.

– Вовсе нет, – ответил левантиец, переминаясь с ноги на ногу и ни на кого ни глядя, – но уже поздно, и... и мне пора. Я выйду вместе с вами, если вы не возражаете.

Данди поджал губы и ничего не ответил. Огоньки мерцали в его зеленых глазах.

Спейд вышел к гардеробу в прихожей и подал Каиру шляпу и пальто. Лицо Спейда было непроницаемо. И таким же бесстрастным был его голос, когда он, отступив на шаг от левантийца, которому помогал надеть пальто, бросил Тому:

– Скажи ему, чтобы оставил пистолет.

Данди вынул пистолет Каира из кармана пальто и положил на стол. Он вышел первым, за ним по пятам семенил Каир. Том задержался возле Спейда и пробормотал:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Не получив ответа, Том вздохнул и вышел следом за остальными. Сэм проводил его до прихожей, где и стоял, пока Том не закрыл за собой дверь в общий коридор.

Глава 9

Бриджид

Спейд возвратился в гостиную и уселся на диван. Положив локти на колени, он подпер голову обеими руками и уставился в пол, не удостоивая взглядом Бриджид О'Шонесси, которая посылала ему из своего кресла заискивающие улыбки. Глаза Сэма пылали, складки на переносице обозначились еще резче. Ноздри раздувались при каждом выдохе.

Когда до Бриджид наконец дошло, что смотреть на нее он не собирается, улыбка сползла с ее лица, а взгляд наполнился тревогой, возрастающей с каждой секундой.

Внезапно его лицо потемнело от ярости, и он заговорил, а скорее, гортанно заклекотал. Минут пять кряду он крыл и крыл Данди распоследними словами, обхватив лицо ладонями и не отрывая от пола испепеляющего взгляда. Грязные ругательства сыпались как из рога изобилия.

Затем, убрав руки от лица, Спейд поднял голову, смущенно посмотрел на девушку и сказал:

– Ребячество, да? Знаю-знаю, но как же я ненавижу, когда меня колотят, а сдачи дать нельзя. – Он осторожно ощупал пальцами подбородок. – В принципе, удар-то у него не ахти. – Он засмеялся и откинулся на спинку дивана, положив ногу на ногу. – Победа досталась не слишком дорогой ценой. – Его брови сошлись на мгновение. – Впрочем, я ему это припомню.

Девушка снова заулыбалась, встала с кресла и села рядом с ним на диван.

– Таких дикарей, как ты, я в жизни не встречала, – сказала она. – Ты что же, по малейшему поводу даешь волю рукам?

– А разве это не он мне вмазал?

– Да, но ведь он полицейская шишка.

– Дело не в этом, – пояснил Спейд, – а в том, что он слетел с катушек и, ударив меня, перешел черту. Сыграй я в эту игру, ему поневоле пришлось бы драться всерьез, а потом объясняться с начальством. – Он вдруг внимательно посмотрел на девушку и спросил: – Что ты сделала с Каиром?

– Ничего. – Щеки ее вспыхнули. – Просто хотела его слегка припугнуть, чтобы сидел смирно, пока они не уйдут, а он – то ли со страху, то ли назло мне – начал орать.

– И ты шмякнула его пистолетом по лбу?

– Пришлось. Он ведь напал на меня.

– Ты сама не знаешь, что творишь. – Улыбка Спейда не могла скрыть его раздражение. – Именно это я тебе уже говорил: действуешь наобум, очертя голову.

– Мне очень жаль... Сэм, – сказала она, и ее лицо и голос были полны раскаяния.

– Ну еще бы! – Он вытащил из кармана табак и папиросную бумажку и принялся сворачивать сигарету. – Теперь, пообщавшись с Каиром, ты могла бы поговорить и со мной.

Она приложила кончик пальца к губам, глядя в пространство широко раскрытыми глазами, потом прищурилась и бросила быстрый взгляд на Спейда. Тот был всецело поглощен своим занятием.

– О да, – начала она, – конечно... – Она убрала палец, разгладила на коленях подол синего платья и хмуро уставилась на свои колени.

Спейд лизнул краешек бумажки, сжал сигарету губами и, щелкнув зажигалкой, спросил:

– Ну и?

– Но мне... не хватило... – сказала она, делая паузы между словами, словно тщательно подбирала каждое из них, – времени, чтобы закончить разговор с ним. – Она умолкла, по-прежнему сумрачно созерцая колени, а потом взглянула на Спейда ясными, искренними глазами. – Не успел он заговорить, как нас прервали.

Спейд зажег сигарету и засмеялся, выпустив облако дыма.

– Хочешь, чтобы я снова позвонил ему и попросил вернуться?

Она покачала головой, не улыбнувшись его шутке. Глаза ее бегали между век, когда она качала головой, пытаясь встретиться взглядом со Спейдом. Глаза эти были настойчивыми, пытливыми.

Спейд закинул руку ей за спину и обхватил ладонью гладкое голое плечико. Она прижалась к его руке.

– Итак, – сказал он. – Я слушаю.

Она повернула голову и улыбнулась ему игриво и дерзко:

– И для этого тебе нужно держать руку именно там?

– Не нужно. – Его рука соскользнула с ее плеча и упала на диванную спинку.

– Ты совершенно непредсказуем, – пробормотала она.

Он кивнул и дружелюбно повторил:

– Я все еще слушаю.

– Смотри, который час! – воскликнула она, тыча пальцем в циферблат стоявшего на книге будильника, дрожащие стрелки которого показывали без десяти три.

– Угу, насыщенный выдался вечерок.

– Мне нужно идти. – Она встала с дивана. – Ужас как поздно.

Спейд и не думал вставать. Он покачал головой и сказал:

– Только после того, как все мне выложишь.

– Но посмотри, который час, – настойчиво повторила она. – А чтобы все рассказать, нужно несколько часов.

– Значит, мне придется их тебе уделить.

– Я что, пленница? – игриво спросила она.

– Кстати, тот малец, что торчал снаружи, может, еще не отправился домой в кроватку.

Игривость ее как рукой сняло.

– Думаешь, он все еще там?

– Скорее всего.

Она поежилась:

– Ты не мог бы выяснить это?

– Могу спуститься и взглянуть.

– О, ты же... спустишься?

Мгновение Спейд изучал ее взволнованное лицо, а потом встал с дивана и сказал:

– Конечно. – Он взял из гардероба шляпу и пальто. – Вернусь минут через десять.

– Пожалуйста, будь осторожен, – попросила она, провожая его до двери в общий коридор.

– Непременно, – пообещал он, шагнув за порог.

* * *

Когда Спейд вышел на Пост-стрит, там не было ни души. Он проутюжил квартал на восток, перешел дорогу, прошел два квартала на запад по другой стороне, снова пересек дорогу и вернулся к своему дому, не встретив никого, кроме двух механиков, чинивших в гараже машину.

Когда он вновь открыл дверь своей квартиры, Бриджид О'Шонесси обнаружилась в прихожей за углом. Она притаилась, держа пистолет Каира дулом вниз.

– Он все еще там, – сказал Спейд.

Девушка прикусила губу и, медленно развернувшись, направилась обратно в гостиную. Спейд прошел следом, бросил на стул пальто и шляпу.

– Значит, у нас есть время поболтать, – сказал он и двинулся на кухню.

Когда она появилась в дверях, он уже поставил кофейник на плиту и принялся нарезать французский багет. Она стояла в дверном проеме и озабоченно наблюдала за ним. Пальцы ее левой руки рассеянно поглаживали затвор и дуло пистолета, который она все еще сжимала в правой.

– Скатерть там, – сказал он, указывая хлебным ножом на буфет, служивший перегородкой между кухней и столовой зоной.

Она накрыла стол, пока он выкладывал кружки ливерной колбасы и холодную солонину на овальные ломтики багета. Затем Спейд разлил кофе, добавил в него бренди из пузатой бутылки, и они присели на одну банкетку бок о бок. Пистолет она положила рядом с собой.

– Ешь и рассказывай, – велел он.

Она скорчила рожицу, пожаловалась, кусая бутерброд:

– Какой же ты приставучий тип!

– Да. А еще дикарь непредсказуемый. Что за птица этот сокол, что все из-за него так суетятся?

Она прожевала кусок бутерброда с говядиной, проглотила, внимательно осмотрела оставшийся крошечный полумесяц и спросила:

– А что, если я не стану рассказывать? Предположим, я ничегошеньки тебе не расскажу? Как ты тогда поступишь?

– Ты имеешь в виду, как я буду искать птичку?

– Я имею в виду вообще.

– Я бы не слишком-то удивился, – сказал Спейд, скалясь волчьей усмешкой, – если бы знал, что делать дальше.

– И что же это? – Она перенесла свое внимание с бутерброда на его лицо. – Именно это я хотела узнать: что ты будешь делать дальше?

Он покачал головой.

Уголки ее губ насмешливо вздернулись.

– Нечто дикое и непредсказуемое?

– Может быть. Но я не понимаю, теперь-то какой тебе смысл скрывать? Так или иначе все всплывет помаленьку. Я очень многого не знаю, но кое-что мне известно, кое о чем я догадываюсь, и дай мне еще денек вроде этого – и скоро я буду знать даже то, о чем тебе самой невдомек.

– Не сомневаюсь нисколько, – сказала она, снова уставившись на бутерброд с самым серьезным видом. – Но как же я от всего этого устала! Как мне противны разговоры на эту тему! Не лучше ли... не лучше ли и вправду просто подождать, пока ты все сам выяснишь?

Спейд засмеялся.

– Не знаю, не знаю. Придется тебе самой в этом разбираться. Мой способ выяснения – это сунуть в шестерни дикий и непредсказуемый гаечный ключ, который раскурочит весь механизм. Мне-то все равно, а ты не боишься, что какая-нибудь отлетевшая деталь тебя покалечит?

Она зябко повела обнаженными плечами, но ничего не ответила. Какое-то время они ели и молчали: он – флегматично, она – задумчиво. Потом она тихо сказала:

– Я боюсь тебя. И это чистая правда.

– Это неправда, – сказал он.

– Нет, правда, – все так же приглушенно настаивала она. – Во всем мире я боюсь только двоих мужчин, и обоих я видела сегодня вечером.

– Я могу понять твой страх перед Каиром, – сказал Спейд. – Он теперь недостижим.

– А ты рядом?

– В определенном смысле, – усмехнулся он.

Она покраснела. Взяла бутерброд с ливерной колбасой. Положила себе на тарелку. Наморщила белый лоб и сказала:

– Как ты уже знаешь, это черная фигурка птицы, гладкая и блестящая – не то ястреб, не то сокол, примерно такой высоты. – Она отмерила руками фут по вертикали.

– А почему она так важна?

Она отхлебнула кофе с бренди, потом покачала головой:

– Я не знаю. Они меня не посвятили. Пообещали мне пятьсот фунтов, если я помогу им ее добыть. А потом, после того как мы сбежали от Джо, Флойд сказал, что даст мне семьсот пятьдесят.

– Значит, птица стоит больше?

– О, гораздо больше, – сказала она. – Они и не пытались изобразить праведный дележ. Меня просто наняли, чтобы помочь.

– Каким же образом?

Она снова поднесла чашку ко рту. Спейд, не сводя властного взгляда серо-желтых глаз с ее лица, начал сворачивать сигарету. За спиной у них фырчал кофейник на плите.

– Помочь им заполнить статуэтку у того, кто ею владел, – медленно сказал она, поставив чашку на стол. – У русского по фамилии Кемидов.

– Как?

– Ах, это не важно, – отмахнулась она. – Тебе это никак не поможет, да и не твое это дело. – И она с вызовом улыбнулась.

– Это произошло в Константинополе?

Помедлив, она неохотно кивнула:

– В Мармарисе.

Он махнул сигаретой в ее сторону:

– Продолжай. Что случилось потом?

– Но это все. Я уже все тебе рассказала. Мне пообещали пять сотен фунтов за содействие, и я согласилась, а потом мы узнали, что Джо Каир задумал сбежать, забрав сокола с собой, а нас оставить с носом. Но мы опередили его и обошлись с ним именно так, как он хотел поступить с нами. Однако я от этого ничего не выиграла, поскольку Флойд вовсе не собирался выплачивать мне обещанные семьсот пятьдесят фунтов. Я поняла это к тому времени, как мы приехали в Америку. Он сказал, что мы поедем в Нью-Йорк, где он найдет покупателя статуэтки и отдаст мне мою долю, но я уже знала, что он врет. – От негодования ее глаза потемнели до фиолетового цвета. – И поэтому я пришла к тебе, чтобы ты помог мне выяснить, где находится сокол.

– Предположим, ты бы его заполучила. А что потом?

– Тогда я могла бы диктовать собственные условия мистеру Флойду Тёрсби.

Спейд посмотрел на нее с прищуром и предположил:

– Но ты не знаешь, куда отнести его, чтобы продать за большую сумму, чем сулил Тёрсби?

– Не знаю.

Спейд сердито смотрел на осыпающийся в его тарелку сигаретный пепел.

– А с чего вдруг за него предлагают такие деньжищи? – спросил он. – У тебя же наверняка есть идея – догадка, по крайней мере?

– Ни малейшей догадки.

Он перевел сердитый взгляд на нее.

– Из чего он вообще сделан?

– Не то из фарфора, не то из какого-то черного камня. Без понятия. Я никогда не прикасалась к этой вещице. Только видела однажды – всего несколько минут. Флойд показал мне сокола, когда он впервые попал к нам в руки.

Спейд раздавил окурочек в тарелке и сделал глоток кофе с бренди из чашки. Его сердитость улетучилась. Вытерев рот салфеткой, он смял ее и бросил на стол, после чего буднично произнес:

– Ты лгунья.

Она вскочила и встала у стола, глядя на него сверху вниз темными, пристыженными глазами. Лицо ее зарумянилось.

– Да, я лгунья, – сказала она. – И всегда была лгуньей.

– Нашла чем бахвалиться. Не корчи из себя невинную деточку. – Впрочем, голос Спейда звучал вполне добродушно. Он вышел из-за стола. – Была ли в этой истории хоть капля правды?

Девушка опустила голову. На темных ресницах заблестели росинки слез.

– Была, – прошептала она чуть слышно.

– И сколько же?

– Не... не очень много.

Спейд взял ее за подбородок и поднял ее голову. Он рассмеялся ей прямо в мокрые от слез глаза и сказал:

– У нас целая ночь впереди. Сварю еще кофейку, плесну туда бренди, и мы начнем все заново.

Веки ее опустились.

– О, я так устала, – сказала она дрожащим голосом, – так устала от всего этого, от себя самой, устала лгать, выдумывать небылицы, не зная, где ложь, а где правда. Как мне хочется...

Она обхватила ладонями лицо Спейда и крепко прижала приоткрытые губы к его губам, всем телом прильнув к его телу.

Спейд обнял ее, притягивая к себе, мускулы налились под рукавами его голубой рубашки, пальцы правой руки зарылись в ее рыжие пряди, пальцы левой ласкали изящный изгиб спины. Глаза его горели желтым пламенем.

Глава 10

Диван в «Бельведере»

Когда Спейд открыл глаза и сел на постели, ночь уже рассеялась, превратившись в тонкую дымку, и занимался новый день. Рядом с ним ровно дышала во сне Бриджид О'Шонесси. Спейд тихо встал и выскользнул из спальни, бесшумно затворив за собой дверь. Оделся он в ванной. Затем он обыскал одежду спящей девушки, вынул из кармана ее пальто плоский латунный ключ и вышел из квартиры.

Он вошел в здание «Коронета» и открыл латунным ключом дверь апартаментов. Для стороннего глаза в его появлении не было ничего странного – он вошел уверенно, целенаправленно. Для стороннего уха все прошло практически незаметно – он постарался вести себя как можно тише.

Оказавшись в квартире Бриджид, Сэм зажег все лампы. И обыскал комнату от стенки до стенки. Его глаза и толстые пальцы двигались без особой спешки – нигде не задерживаясь, ничего не прощупывая и не проверяя дважды, дюйм за дюймом они исследовали, придирчиво осматривали, анализировали с профессиональной методичностью. Каждый ящик, посудный шкаф, закуток, коробка, сумка, чемодан – запертые или нет – были открыты, а содержимое тщательно изучено – зрительно и тактильно. Каждый предмет одежды был проверен на ощупь в поисках характерных уплотнений, а также на слух – чтобы уловить малейшее шуршание бумаги под пальцами. Он снял с кровати постельное белье. Он заглянул под ковры и под каждый предмет обстановки. Он опустил жалюзи, проверяя, не спрятано ли в них что-либо от чужих глаз. Он перегнулся через подоконник, посмотреть, не подвешено ли что-нибудь с наружной стороны. Он потыкал вилкой в содержимое баночек с пудрой и кремом на туалетном столике. Проверил на свет все бутылочки и пульверизаторы. Едва ли не обнюхал тарелки, кастрюльки и сковородки, продукты и емкости для их хранения. Он высыпал на газету содержимое мусорного ведра. Открыл крышку сливного бачка в туалете, спустил воду и заглянул туда. Осмотрел и опробовал металлические решетки на сливных отверстиях ванны, умывальника, кухонной раковины и бака для стирки.

Черной птицы он не нашел. И не обнаружил ничего, что имело хоть какое-то отношение к черной птице. Единственным письменным документом, привлечшим его внимание, была недельной давности квитанция об аренде квартиры. Бриджид О'Шонесси заплатила за месяц вперед. А единственной вещью, заинтересовавшей его настолько, что он отложил дальнейшие поиски, стала инкрустированная шкатулка, запертая в ящике туалетного столика, а в ней – горстка довольно дорогих ювелирных украшений.

Покончив с обыском, Спейд сварил и выпил чашку кофе. Затем отпер кухонное окно, чуть поскреб край задвижки перочинным ножом, открыл окно – под ним была пожарная лестница, – забрал шляпу и пальто с козетки в гостиной и вышел из квартиры тем же путем, что и явился.

По дороге домой он зашел в лавочку, которую только что открыл озябший и заспанный толстый бакалейщик, купил апельсинов, яиц, рогаляков, масла и сливок.

Спейд бесшумно вошел в свою квартиру, но не успел закрыть дверь, как Бриджид О'Шонесси крикнула:

- Кто здесь?
- Завтрак в номер, доставщик Спейд.
- Ох, ты меня напугал!

Дверь спальни, которую он плотно притворил, уходя, была открыта. Дрожащая девушка сидела на краю кровати, пряча правую руку под подушкой.

Спейд положил покупки на кухонный стол и вошел в комнату. Он сел на кровать рядом с девушкой, поцеловал ее гладкое плечико и сказал:

– Хотел посмотреть, по-прежнему ли на посту наш парнишка, и купить кое-что к завтраку.

– И он еще там?

– Нет.

Она вздохнула и прижалась к нему.

– Я проснулась, а тебя нет, и вдруг слышу, как кто-то заходит. Я пришла в ужас.

Спейд убрал с ее лица прядь волос, пригладил и сказал:

– Прости, ангелочек. Я подумал: сбегаю, пока ты спишь. Ты всю ночь прятала пистолет под подушкой?

– Нет. Ты же знаешь, что нет. Я вскочила и схватила его, потому что испугалась.

Он приготовил завтрак – и незаметно, пока она принимала ванну и одевалась, вернул на место латунный ключ.

Она вышла из ванной, насвистывая фокстрот «Увидимся на Кубе».

– Кровать застелить? – спросила она.

– Это было бы замечательно. Яйцам еще пару минут вариться.

Когда она вернулась на кухню, завтрак уже ждал на столе. Они сели, как сидели накануне ночью, и от души подкрепились.

– Ну что, теперь поговорим о птице? – предложил Спейд во время завтрака.

Положив вилку на стол, она внимательно посмотрела на него. Брови ее сдвинулись, а губы сжались в тонкую ниточку.

– Не смей задавать мне подобные вопросы по утрам! – возмутилась она. – Я не хочу отвечать и не буду.

– Что за упертая девчонка, – печально заметил Спейд, отправляя в рот кусочек рогалика.

* * *

Когда Спейд и Бриджид О’Шонесси перешли дорогу и сели в ожидавшее их такси, вчерашнего юного шпики нигде не было видно. И никто не ехал следом. И в окрестностях «Коронета», куда довезло их такси, ни мальчика в кепке, ни других подозрительных личностей не обнаружилось.

Бриджид О’Шонесси не позволила Спейду подняться к ней в апартаменты.

– Возвращаться домой в такой час в вечернем платье и без того плохо, не хватало еще компании. Хоть бы никого не встретить.

– Поужинаем вечером?

– Да.

Они поцеловались, и девушка зашла в подъезд «Коронета». Спейд сказал таксисту:

– Отель «Бельведер».

Подъехав к «Бельведеру», он увидел своего преследователя. Юнец сидел в вестибюле на диване, с которого отлично просматривались лифты, и притворялся, что читает газету.

У стойки Спейду сообщили, что Каир не у себя. Детектив нахмурился и пощипал нижнюю губу. В глазах его заплескали желтые искорки.

– Спасибо, – мягко поблагодарил он портье и неторопливо отошел от стойки.

Он пересек вестибюль, направляясь к тому самому дивану, с которого оба лифта были как на ладони, и сел рядом (их разделяло расстояние не более фута) с молодым человеком, якобы погруженным в чтение газеты.

Юноша не отрывал взгляда от передовицы. С такого близкого расстояния было ясно, что ему лет двадцать – не меньше. Мелкие и ничем не примечательные черты лица, под стать

его тщедушной фигуре. Очень светлая кожа. Белизна эта была едва заметна под довольно густой бородой и румянцем. Совершенно обычная одежда, отнюдь не новая, однако и она, и его манера ее носить, отличались суровой мужской аккуратностью.

Отсыпая табак в свернутую лодочкой бумажку, Спейд непринужденно поинтересовался:
– Где он?

Паренек опустил газету и огляделся. Все это он проделал нарочито медленно, будто обуздывая свойственную его возрасту порывистость. Его маленькие глаза глянули из-под полуопущенных загнутых ресниц куда-то в область груди Спейда. Голосом, таким же бесцветным и холодно-сдержанным, как и его лицо, он произнес:

– Чего?

– Где он? – Спейд был поглощен сигаретой.

– Кто?

– Гомик.

Взгляд карих глаз переместился вверх по груди Спейда к узлу темно-бордового галстука и там застрял.

– Ты, приятель, блажить вздумал? – разъярился парень.

– Я сообщу тебе, когда начну. – Спейд лизнул сигарету и по-дружески улыбнулся собеседнику. – Из Нью-Йорка, да?

Тот молча сверлил злобным взглядом галстук Спейда. Спейд кивнул, словно получив утвердительный ответ, и спросил:

– Пожизненное маячило?

Мальчишка еще пару секунд пялился на галстук Спейда, а затем снова развернул газету и внимательно уставился в нее.

– Отвали, – уголком рта сказал он.

Спейд прикурил сигарету, устроился поудобнее, откинувшись на спинку дивана, и заговорил с добродушной непринужденностью:

– Тебе придется рано или поздно потолковать со мной, сынок, – кому-то из вас придется – можешь так и передать нашему приятелю Г.

Шкет быстро опустил газету и повернулся лицом к Спейду. Он уставился на его галстук мрачными карими глазами, прижимая свои маленькие ладони к животу.

– Продолжай в том же духе – и нарвешься, – сказал он. – Получишь с лихвой. – Голос его звучал низко, ровно, угрожающе. – Я тебе сказал: отвали. Уноси ноги.

Спейд выждал, пока вошедшие в вестибюль пухлый очкарик и тонконогая блондинка окажутся за пределами слышимости, хохотнул и сказал:

– На Седьмой авеню прозвучало бы сильно. Но ты сейчас не у себя в Роумвиле. Ты в моем городе. – Он с удовольствием затянулся сигаретой и выдохнул большое, бледное облако дыма. – Итак, где он?

Шкет произнес три слова: первое – шипящий глагол, второе и третье – существительное с предлогом.

– За такие слова можно и по зубам получить. – Голос Спейда по-прежнему звучал дружелюбно, однако лицо начало каменеть. – Если хочешь остаться, будь вежлив.

Парень повторил свои три слова.

Спейд бросил сигарету в высокую каменную урну рядом с диваном и поднял руку, привлекая внимание человека, вот уже несколько минут стоявшего у табачного киоска. Тот кивнул и подошел к ним. Это был мужчина средних лет, с круглым желтоватым лицом, среднего роста, плотного телосложения, в опрятном темном костюме.

– Привет, Сэм.

– Здорово, Люк.

Они пожали руки, и Люк сказал:

– Слушай, ужасная беда, с Майлзом-то.

– Угу, паршиво. – Спейд дернул головой, указывая на мальчишку, сидящего на диване рядом с ним. – Чего это у тебя в холле околачиваются дешевые гангстеры, да еще с пушками, выпирающими из-под одежды?

– Да? – Люк внимательно разглядывал недомерка хитрыми карими глазами. Лицо его внезапно стало жестким. – Ты чего здесь ловишь? – спросил он.

Парень встал. Встал и Спейд. Парень посмотрел на обоих мужчин, вернее, на их галстуки, переводя взгляд с одного на другой. Галстук у Люка был черного цвета. Мальчишка был похож на проштрафившегося школьника.

Люк сказал:

– Что ж, раз тебе ничего здесь не нужно, тогда убирайся, и чтоб духу твоего здесь не было.

– Я вам это припомню, мужики, – пригрозил мальчишка и вышел.

Оба детектива посмотрели ему вслед. Спейд снял шляпу и вытер лоб носовым платком.

Люк спросил:

– Это что такое было?

– Сам бы хотел знать! – ответил Спейд. – Случайно его засек. Что тебе известно о Джоэле Каире из номера шестьсот тридцать пять?

– Ах, этот! – Гостиничный детектив ухмыльнулся.

– Давно он здесь живет?

– Четыре дня. Сегодня уже пятый.

– И что можешь о нем рассказать?

– Не поверишь, Сэм. Ничего против него у меня нет, кроме его внешности.

– Узнай, вернулся ли он вчера в отель.

– Попробую, – пообещал Люк и отошел. Спейд уселся на диван, дожидаясь его возвращения. – Нет, – сообщил Люк. – В номере он не ночевал. А что случилось?

– Ничего.

– Колись. Ты же знаешь, я буду держать язык за зубами, но если что не так – мы должны быть в курсе, чтобы успеть получить с него по счету.

– Ничего серьезного, – заверил Спейд. – Я просто выполняю для него одну работенку. Я сказал бы тебе, будь с ним что-то нечисто.

– Да уж, надеюсь. Хочешь, пригляжу за ним?

– Спасибо, Люк. Не повредит. В наши дни никогда не лишне побольше узнать о тех, на кого работаешь.

* * *

Часы над лифтом показывали двадцать одну минуту двенадцатого, когда в вестибюль зашел Джоэл Каир с забинтованной головой. Одежда его имела несвежий, мешковатый вид из-за того, что он не снимал ее уже много часов подряд. Лицо у него было одутловатое, с отвисшими губами и опухшими веками.

Спейд как ни в чем не бывало поприветствовал его у стойки портье:

– Доброе утро!

Каир напрягся всем своим утомленным телом, морщины резче обозначились на его лице.

– Доброе утро, – ответил он без энтузиазма.

Возникла пауза.

Спейд сказал:

– Пойдемте куда-нибудь, где можно поговорить.

Каир вскинул подбородок.

– Прошу прощения, – сказал он. – Наши беседы с глазу на глаз были не из тех, что я хотел бы возобновить. Извините за прямоту, но это правда.

– Это вы о прошлой ночи? – Спейд нетерпеливо дернул головой и развел руками. – А что еще, черт побери, я мог сделать? Я думал, вы сами все понимаете. Если вы затеяли с ней драку или она сама ее затеяла, я должен был встать на ее сторону. Я не знаю, где эта треклятая птица. И вы тоже. А она знает. И как, черт возьми, мы добудем сокола, если я не стану ей подыгрывать?

После некоторых колебаний Каир недоверчиво произнес:

– Должен заметить, у вас всегда на все имеется наготове гладкое объяснение.

Спейд нахмурился:

– А вы чего хотите? Чтобы я научился заикаться и запинаться? Что ж, можем и это обсудить. – Он повел Каира к дивану. Когда они сели, Спейд спросил: – Данди отвез вас в участок?

– Да.

– И как долго они вас там обрабатывали?

– Да вот до самого недавнего времени, и категорически против моей воли. – На лице и в голосе Каира отразились боль и негодование. – Я обязательно рассмотрю этот вопрос в греческом консульстве и с моим адвокатом.

– Вперед, и посмотрим, чего вы добьетесь. Что вы позволили полиции вытрясти из вас?

В улыбке Каира сквозило чопорное довольство.

– Ничего. Я придерживался курса, который вы указали ранее у себя на квартире. – Улыбка его пропала. – Хотя я, конечно, пожалел, что вы не придумали более правдоподобную историю. Повторяя ее, я чувствовал себя совершенно нелепо.

Спейд глумливо осклабился:

– Не сомневаюсь. Но именно в придурковатости вся ее прелесть. Вы уверены, что не проболтались?

– Будьте спокойны, мистер Спейд, не проболтался.

Спейд побарабанил пальцами по диванной коже.

– Данди от вас так просто не отстанет. Косите под дурачка, и все у вас с ним будет в порядке. Пусть вас не тревожит нелепость нашей истории. Мало-мальски вразумительная байка упекла бы нас всех в кутузку. – Он встал. – Вам надо поспать, раз вы всю ночь провели на ногах и отбились от копов. Увидимся позже.

* * *

Эффи Перин как раз говорила в телефонную трубку: «Нет, еще не пришел», когда Спейд появился в приемной. Она обернулась к нему и произнесла одними губами: «Айва». Он замолчал головой.

– Да, я передам, чтобы связался с вами, как только он вернется, – сказала секретарша вслух и повесила трубку. – Она звонит уже третий раз за утро, – сообщила она Спейду.

Тот раздраженно зарычал.

Девушка повела карими глазами в сторону двери в его кабинет:

– Твоя мисс О’Шонесси там. Сидит с десяти минут десятого.

Спейд кивнул, словно именно этого и ожидал, и спросил:

– Что еще?

– Звонил сержант Полхаус. Никаких сообщений не оставил.

– Соедини меня с ним.

– Еще звонил некий Г.

Глаза Спейда блеснули. Он переспросил:

– Кто?

– Г. Так он назвался. – Хотя ее распирало от любопытства, она безупречно изображала образцовую секретаршу. – Когда я сообщила, что тебя нет, он сказал: «Когда придет, передайте ему, пожалуйста, что Г., получивший его сообщение, звонил и перезвонит еще».

Спейд поджал губы, словно распробовал нечто невкусное.

– Спасибо, дорогая, – сказал он. – Попробуй дозвониться Тому Полхаусу. – Он открыл дверь кабинета и, войдя, плотно затворил ее за собой.

Бриджид О’Шонесси, одетая так же, как в первый свой визит в его контору, встала с кресла у стола и подбежала к нему.

– Кто-то побывал в моей квартире, – объяснила она. – Там все вверх дном перевернули. На лице его отразилось сдержанное удивление.

– Что-нибудь пропало?

– Кажется, нет. Не знаю. Я побоялась там оставаться. Переоделась наспех и пришла сюда. О, это ты привел за собой туда того мальчишку!

Спейд покачал головой:

– Не я, ангелочек.

Он вытащил из кармана утренний выпуск газеты, развернул и показал ей статью в четверть колонки.

Крик вспугнул грабителя

Молодая женщина по имени Кэролайн Бил, проживающая одна в квартире на Саттер-стрит, проснулась в четыре часа утра от постороннего шума. Ей показалось, что кто-то шарит у нее в ее спальне. Она закричала. Незнакомый сбежал. Две другие женщины, которые жили одни в апартаментах того же здания, позже утром обнаружили признаки того, что в их квартирах побывал грабитель. Ни у одной из трех женщин ничего не было украдено.

– Именно там я от него и отделался, – объяснил Спейд. – Я вошел в подъезд этого дома и выскользнул через черный ход. Его заинтересовали три одинокие женщины. Он вломился во все апартаменты, рядом с номерами которых в регистрационной книге были указаны женские фамилии, разыскивая тебя под вымышленным именем.

– Но он следил за твоей квартирой, когда мы были там, – возразила она.

Спейд пожал плечами.

– А кто сказал, что он работает один? Или, возможно, он отправился на Саттер-стрит, когда подумал, что ты останешься у меня на всю ночь. Есть множество всяких «возможно», но я не приводил его в «Корнет».

Ответ ее не удовлетворил.

– Но он нашел его, или кто-то другой нашел.

– Это точно. – Он хмуро посмотрел ей под ноги. – Уж не Каир ли? Его не было в отеле всю ночь, он явился всего несколько минут назад и сказал мне, что все это время его промурыжили в полицейском участке. Очень интересно. – Спейд повернулся, открыл дверь в приемную и спросил Эффи Перин: – Ну что, дозвонилась Тому?

– Его нет на месте. Подожду немного и попробую снова.

– Спасибо.

Спейд закрыл дверь и повернулся к Бриджид О’Шонесси.

Глаза ее подернулись поволокой.

– Ты сегодня утром встречался с Джо? – спросила она.

– Да.

Она поколебалась.

– Зачем?

– Зачем? – улыбнулся он, глядя на нее сверху вниз. – А затем, любовь всей моей жизни, что я должен как-то подобрать концы в этом головокружительном романе, если хочу когда-нибудь связать их воедино. – Он обнял ее за плечи и подвел к своему вращающемуся креслу. Легонько поцеловав кончик ее носа, он усадил Бриджид в кресло, а сам сел на стол напротив нее и сказал: – А теперь нам надо найти для тебя новый дом, так ведь?

Она выразительно закивала:

– Я не хочу туда возвращаться.

Он похлопал по столу у своего бедра и сделал задумчивое лицо.

– Кажется, я понял, – сказал он наконец. – погоди минутку. – Он вышел в приемную и закрыл за собой дверь.

Эффи Перин потянулась к телефону со словами:

– Сейчас попробую снова.

– Потом. Твоя женская интуиция по-прежнему говорит тебе, что она – святая невинность или что-то в этом роде?

Она строго посмотрела на него:

– Я по-прежнему уверена, что, в какие бы неприятности она ни вляпалась, с ней все в порядке, если ты это имеешь в виду.

– Да, именно это, – сказал он. – Достаточно ли ты сильна, чтобы протянуть ей руку помощи?

– Каким образом?

– Можешь приютить ее на пару деньков?

– В смысле, у себя дома?

– Да. В ее квартиру вломились. Уж второй раз за неделю. Ей лучше не оставаться одной. Ты очень поможешь, еслипустишь ее пожить у себя.

Эффи Перин подалась вперед и спросила прямо:

– А ей действительно грозит опасность, Сэм?

– Я считаю, что да.

Она потерела губу ногтем.

– Как бы у матушки от страха сердечный приступ не приключился. Придется соврать, что твоя девица – невольный свидетель чего-то такого, что ты держишь в секрете до последней минуты.

– Умница моя, – сказал Спейд. – Лучше увести ее прямо сейчас. Я возьму у нее ключ и принесу из ее квартиры все необходимое. Так... Никто не должен видеть, что вы вместе выходите отсюда. Поезжай домой. Возьми такси, но смотри, чтобы за тобой не следили. Скорее всего, хвоста не будет, но на всякий случай проверь. Я отправлю ее на другой машине чуть погодя, убедившись, что все чисто.

Глава 11

Толстяк

Телефон яростно трезвонил, когда Спейд вернулся в контору, отправив Бриджид О'Шонесси на квартиру Эффи Перин. Он снял трубку.

– Алло... Да, это Спейд... Да, у меня. Я ждал, что вы объявитесь... Кто?.. Мистер Гутман? Да-да, конечно!.. Сейчас – чем скорее, тем лучше... Двенадцать-си... Хорошо. Скажем, минут через пятнадцать... Хорошо.

Спейд уселся на угол своего стола у телефона. Губы сжались в жесткую, самодовольную букву «V». Глаза, тлеющие из-под опущенных век, смотрели прямо перед собой, неотрывно следя за пальцами, которые сворачивали сигарету.

Дверь распахнулась, и вошла Айва Арчер.

Спейд сказал:

– Привет, дорогая. – Его голос, как и его лицо, внезапно стали дружелюбными.

– О, Сэм, прости меня! Прости! – сдавленным голосом воскликнула Айва и застыла в дверях, не снимая перчаток и комкая маленькими руками носовой платок с траурной каймой. Глаза ее, красные и опухшие, испуганно глядели на Сэма.

Продолжая сидеть на углу стола, он сказал:

– Ничего, все в порядке. Забудь.

– Но, Сэм, – причитала она, – ведь это я натравила на тебя полицейских. Я совсем спятила, с ума сходила от ревности. Позвонила им и сказала, что если они заглянут к тебе, то узнают кое-что об убийстве Майлза.

– А что заставило тебя так думать?

– О нет, я так не думала! Я обезумела, Сэм, и хотела тебе навредить.

– Из-за этого ситуация сложилась чертовски неловкая. – Он обнял ее и притянул к себе. – Но теперь все в порядке, вот только постарайся больше не вытворять таких безумств.

– Больше не буду, – пообещала она. – Никогда. Но вчера вечером ты был со мной неласков. Ты был холоден и хотел от меня отделаться, когда я сюда пришла и так долго ждала, чтобы предупредить тебя, а ты...

– Предупредить меня *о чем*?

– О Филе. Он как-то разнюхал, что ты меня... что у нас с тобой любовь, а Майлз еще раньше говорил ему о моем желании развестись, хотя, конечно, он так и не узнал причину, а Фил теперь думает, что мы... что ты убил его брата, потому что он не давал мне развода, чтобы мы могли пожениться. Он сам сказал мне, что уверен в этом, а вчера пошел в полицию и все им выложил.

– Как мило, – мягко сказал Спейд. – Ты пришла предупредить меня, но, поскольку я был занят, встала на дыбы и помогла этому поганцу Филу Арчеру устроить бучу.

– Мне очень жаль, – захныкала она. – Я знаю, ты никогда не простишь меня. Но мне... мне очень, очень, очень жаль!

– Тебе и должно быть жаль, – сказал он. – Ты не только мне, ты и себе навредила. А Данди заходил к тебе с тех пор, как Фил сделал свое заявление? Или кто-нибудь из Бюро?

– Нет. – В тревоге она открыла рот и выпучила глаза.

– Еще придут, – сказал он. – И было бы лучше, если бы они тебя застали дома. Ты назвалась, когда им звонила?

– О нет! Я просто сказала, что если они сейчас же пойдут к тебе на квартиру, то узнают кое-что об убийстве, – и повесила трубку.

– Откуда ты звонила?

– Из аптеки на твоей улице. О, Сэм, любимый, я...

Он похлопал ее по плечу и добродушно сказал:

– Да, шутка была глупая, но что сделано – то сделано. Лучше беги домой и хорошенько обдумай, что ты скажешь полиции. Они свяжутся с тобой. Может быть, лучше вообще все отрицать. – Он нахмурился, глядя в пространство. – А может, стоит сначала встретиться с Сидом Уайзом. – Он убрал руку с ее плеча, вынул из кармана карточку, нацарапал на обороте три строчки и протянул ей. – Можешь рассказать Сиду обо всем. – Он снова нахмурился. – Или почти обо всем. Где ты была в ту ночь, когда Майлза застрелили?

– Дома, – ответила она не без колебаний.

Он покачал головой и усмехнулся.

– Я была дома, – настаивала она.

– Нет, – сказал он. – Но если таково твое алиби, не стану его опровергать. Ступай к Сиду. Это тут за углом, розоватое здание, комната восемьсот двадцать семь.

Ее голубые глаза попытались заглянуть в его желто-серые.

– Почему ты думаешь, что меня не было дома? – с расстановкой спросила она.

– Нипочему. Я просто знаю, что тебя не было, – и все.

– Но я была. Была! – Она стиснула губы, глаза ее потемнели от гнева. – Что бы там ни говорила Эффи Перин, – выдохнула она с возмущением. – Я видела, как она разглядывала мою одежду и что-то вынюхивала. Ты знаешь, она меня не любит, Сэм. Почему ты веришь всему, что она болтает, зная, что она только и ждет случая мне навредить?

– Ах, эти женщины, господи боже, – мягко сказал Спейд и посмотрел на свои наручные часы. – Тебе уже пора, моя прелесть. Я опаздываю на встречу. Дело, конечно, твое, но я бы на твоём месте рассказал Сэму правду или ничего. То есть опусти те эпизоды, о которых не хочешь рассказывать, но взамен ничего не выдумывай.

– Я не лгу тебе, Сэм, – возмутилась она.

– Черта с два, – сказал он и встал.

Она поднялась на цыпочки и заглянула ему в лицо.

– Ты мне не веришь, Сэм? – прошептала она.

– Я тебе не верю.

– И не простишь меня за... за то, что я сделала?

– Прощу, конечно. – Он наклонился и поцеловал ее в губы. – Все хорошо. А теперь беги.

Она крепко обняла его:

– Ты сходишь со мной к мистеру Уайзу?

– Не могу, к тому же я все равно буду только мешать. – Он похлопал ее по рукам, отцепил их от себя и поцеловал ее левое запястье между перчаткой и рукавом. Взяв ее за плечи, развернул лицом к двери и легонько подтолкнул. – Ступай, – велел он.

* * *

Дверь красного дерева с номерком «12-си» в гостинице «Александрия» открыл тот самый парень, с которым Спейд разговаривал в вестибюле «Бельведера». Спейд добродушно сказал ему: «Привет», недомерок ничего не ответил – просто посторонился, придерживая дверь.

Спейд вошел. Навстречу ему вышел толстяк.

Толстяк был настоящим обрюзгшим жирдяем с шарообразными розовыми щеками, мясистыми губами, многослойным подбородком и складчатым загривком. Он словно бы весь состоял из огромного рыхлого пуза, колыхавшегося, точно яйцо всмятку, с наспех прикрепленными рогаликами рук и ног. Когда он двинулся навстречу Спейду, все его складки затряслись, вздымаясь и опадая по отдельности при каждом шаге, подобно нагромождению мыльных пузырей, еще не отделившихся от трубочки, через которую их выдули. Черные глазки, казавшиеся совсем крошечными среди окружавших их припухлостей, сверкали неожиданно ярко

и живо. Редкие темные выющиеся пряди покрывали громадный череп. Одет он был в черную визитку, черный жилет, черный атласный пластрон, заколотый розовой жемчужиной, серые шерстяные брюки в полоску и лакированные туфли.

Звук его голоса напоминал хриплое урчание.

– А, мистер Спейд! – с воодушевлением сказал он и протянул Спейду ладонь, похожую на жирную розовую морскую звезду.

Спейд пожал ее и с улыбкой ответил:

– Как поживаете, мистер Гутман?

Держа Спейда за руку, толстяк развернулся, встал с ним рядом, другой рукой взял его под локоть и подвел по зеленому ковру к зеленому плюшевому креслу рядом со столиком, где на подносе стояли сифон, несколько стаканов, бутылка виски «Джонни Уокер» и коробка сигар «Коронас дель Ритц». Кроме того, там было несколько газет и простая желтая шкатулочка из мыльного камня.

Спейд сел в зеленое кресло. Толстяк принялся наполнять стаканы из бутылки и сифона. Мальчишка скрылся. Двери в трех стенах гостиной были закрыты. В четвертой стене – за спиной у Спейда – зияли два окна, выходившие на Гири-стрит.

– Хорошее начало, сэр, – проурчал толстяк, поворачиваясь к нему со стаканом в руке. – Не доверяю я людям, которые блеют «хватит-хватит». Если боишься, что выпьешь слишком много, значит тебе нельзя доверять.

Спейд с улыбкой взял стакан и поблагодарил гостеприимного хозяина легким поклоном.

Толстяк повернулся к окну и посмотрел содержимое собственного стакана на свет. Он одобритительно кивнул, глядя на поднимающиеся со дна пузырьки, и провозгласил:

– Что ж, сэр, выпьем за откровенность и полное взаимопонимание!

Они выпили и опустили стаканы.

Толстяк окинул Спейда проницательным взглядом и спросил:

– А вы, гляжу, молчун?

Спейд помотал головой:

– Я люблю поговорить.

– Все лучше и лучше! – воскликнул толстяк. – Я не доверяю молчунам. Обычно они если и говорят, то не вовремя и невпопад. Разумный разговор требует регулярной практики. – Он лучезарно улыбнулся поверх стакана. – Мы с вами поладим, сэр, обязательно поладим. – Поставив стакан на столик, он протянул Спейду коробку «Коронас». – Сигару, сэр?

Спейд взял одну, отрезал кончик и закурил. Тем временем толстяк придвинул другое зеленое плюшевое кресло поближе к Спейду и разместил напольную пепельницу между ним и собой. Затем он взял свой стакан, извлек из коробки сигару и опустился в кресло. Его жировые складки перестали колыхаться и обрели дряблый покой. Он удовлетворенно вздохнул и сказал:

– А теперь, сэр, поговорим, если вы не против. И я скажу вам сразу, что я люблю поговорить с человеком, который любит разговоры.

– Шикарно. Поговорим о черной птице?

Толстяк расхохотался, от чего складки на его теле заходили ходуном.

– О птице? – переспросил он и ответил: – Поговорим. – Его розовое лицо светилось от восторга. – Вот это по мне, сэр, вы кроены по моему лекалу. Не ходите вокруг да около, а устремляетесь прямо к сути. Хотите поговорить о черной птице? Что ж – извольте. Мне это по душе, сэр. Люблю, когда дела ведутся таким образом. Мы в любом случае потолкуем о черной птице, но сначала, сэр, ответьте, пожалуйста, на один вопрос, чтобы мы сразу расставили точки над «и». Вы пришли сюда как представитель Бриджид О'Шонесси?

Спейд выпустил длинную струю дыма, косым плюмажем застывшую над головой толстяка, и задумчиво нахмурился, глядя на столбик пепла на кончике своей сигары. Потом ответил уклончиво:

– Не могу сказать ни да ни нет. Пока что в любом случае ничего определенного. – Он поднял глаза на толстяка и перестал хмуриться. – Это зависит от...

– Зависит от чего?

Спейд покачал головой:

– Если бы я знал, то мог бы сказать «да» или «нет».

Толстяк отхлебнул виски, проглотил и предположил:

– Может, это зависит от Джоэла Каира?

– Может, – быстро, уклончиво ответил Спейд и тоже выпил.

Толстяк подался вперед, насколько позволило его пузо. Он заискивающе улыбнулся и дружелюбно проорчал:

– Другими словами, вопрос в том, кого из них вы будете представлять?

– Можно и так сказать.

– Это будет или тот, или другая?

– Я так не сказал.

Глаза толстяка заблестели. Голос понизился до хриповатого мурлыканья, когда он спросил:

– Есть кто-то еще?

Кончиком сигары Спейд ткнул себе в грудь.

– Есть. Я сам, – сказал он.

Толстяк расплылся в кресле. Он выдохнул – длинно и с удовольствием.

– Прекрасно, сэр, – промурлыкал он. – Это прекрасно. Мне нравятся люди, которые не скрывают, что действуют в собственных интересах. Ведь все мы делаем именно это. Я не доверяю человеку, который говорит, что он не такой. А человеку, который говорит правду, говоря, что он не такой, я не доверяю еще больше, потому что он олух, поступающий наперекор законам природы.

Спейд выпустил облако дыма. С выражением вежливого внимания на лице он сказал:

– Угу. А теперь давайте поговорим о черной птице.

Толстяк благодушно улыбнулся.

– Давайте, – сказал он и прищурился так, что из-под набежавших жировых складок не стало видно ничего, кроме темного блеска его глаз. – Мистер Спейд, имеете ли вы представление о сумме, которую можно заработать на черной птице?

– Нет.

Толстяк снова подался вперед и положил пухлую розовую ладонь на подлокотник кресла Спейда.

– Что ж, сэр, если я скажу вам... боже правый, да если я назову вам половину этой суммы, вы назовете меня лжецом.

Спейд улыбнулся:

– Нет, не назову, даже если подумаю так. Но если не хотите рисковать, просто расскажите, почему эта штука такая ценная, а уж прибыль подсчитать я сумею.

Толстяк засмеялся.

– Вы не сможете, сэр. Этого не смог бы сделать никто, у кого нет опыта в подобных делах, а... – Он сделал выразительную паузу. – А подобных дел просто не было. – Он снова засмеялся, и его складки захлопали друг о дружку в такт его смеху. Внезапно он перестал смеяться. Мясистые губы открылись, едва смех их покинул. Он близоручко уставился на Спейда и спросил: – Хотите сказать, что не знаете, о чем идет речь? – От изумления его голос утратил хрипотцу.

Спейд небрежно махнул сигарой.

– Вот черт, – беспечно сказал он. – Я знаю, как это должно выглядеть. Я знаю, что это всем вам нужно до зарезу. Но я не знаю, *что* это.

- Она вам не сказала?
- Мисс О’Шонесси?
- Да, сэр. Та красивая девушка.
- Ага. Нет, не сказала.

Темные глаза толстяка сверкнули из засады в складках розовой плоти.

- Уж она-то должна знать, – сказал он неопределенно. – И Каир не сказал?

– Каир ловкач. Он хотел ее купить, но не рискнул сообщить мне что-нибудь из того, чего я уже не знал.

Толстяк облизнул губы.

- И сколько же он хотел заплатить за нее? – спросил он.

- Десять тысяч долларов.

Толстяк презрительно рассмеялся.

– Десять тысяч долларов – заметьте, даже не фунтов! Истинный грек. Пфф! И что вы ему на это ответили?

- Я сказал, что если отдам ее ему, то сам рассчитываю на десять тысяч.

– Ах да, *если*! Ловко, сэр. – Лоб толстяка сморщился в расплывчатой гримасе. – Они должны знать, – сказал он вполголоса и спросил: – Но знают ли? Им известно, что собой представляет эта птица? Как вам показалось?

– В этом я вам не могу помочь, – сознался Спейд. – Тут не на что опереться. Каир не сказал, что знает, но и что не знает, тоже не сказал. То есть он сказал, что не знает, но я, конечно, считаю, что он солгал.

– Это было неразумно с его стороны, – отозвался толстяк, но он определенно думал о чем-то другом. Он почесал в затылке. Он нахмурился, так что его лоб избороздили глубокие красные морщины. Он поерзал на кресле, насколько позволяли его габариты и размеры кресла. Он прикрыл было глаза, потом неожиданно вытаращился и сказал Спейду:

– Может, они и не знают. – Озабоченное выражение медленно исчезло с его пухлого круглого лица и сменилось – куда быстрее – выражением неизъяснимого счастья. – А если они не знают, – воскликнул он, – если они не знают, то я – единственный на всем этом прекрасном и огромном белом свете, кто знает!

Спейд растянул губы в улыбке.

- Я рад, что обратился по адресу, – сказал он.

Толстяк тоже улыбнулся, но как-то неуверенно. Счастливое выражение, несмотря на улыбку, сползло с его лица, а в глазах появилась настороженность. Его лицо было улыбчивой маской с настороженными глазами, маской, заслоняющей его мысли от Спейда. Глаза, избегая взгляда Спейда, переместились на стакан, стоявший у Спейдова локтя. Лицо толстяка вновь просияло.

– Ну надо же, сэр, – сказал он, – стакан-то у вас совсем пуст. – Он встал, подошел к столику и начал звенеть стаканами, сифоном и бутылкой, смешивая напиток.

Спейд неподвижно сидел в кресле до тех пор, пока толстяк с размашистым поклоном и шутивым: «Вот вам, сэр, лекарство, которое вам никогда не навредит!» – не протянул ему его наполненный заново стакан. Тогда Спейд встал и подошел вплотную к толстяку. Взгляд у Спейда был жестким и ясным. Он поднял стакан. Голос его звучал уверенно, с вызовом:

- Итак, за откровенность и чистоту понимания!

Толстяк крикнул, и они выпили. Толстяк сел. Он прижимал стакан к животу двумя руками и улыбался Спейду. Он сказал:

– Как ни удивительно, вполне вероятно, что никто из них точно не знает, что собой представляет эта птица, и что никто во всем этом распрекрасном огромном мире этого не знает, за исключением вашего покорного слуги Каспера Гутмана, эсквайра.

– Здорово. – Спейд стоял, расставив ноги, одна рука в кармане брюк, другая со стаканом. – Когда вы расскажете это мне, нас будет только двое, кто все знает.

– Математически верно, сэр. – Глаза толстяка блеснули. – Но... – Улыбка его стала шире. – Я не уверен, что расскажу вам.

– Не валяйте дурака, – терпеливо сказал Спейд. – Вы знаете, что это. Я знаю, где это. Посему мы здесь.

– Ну, и где же она?

Спейд проигнорировал вопрос.

Толстяк поджал губы, поднял брови и слегка наклонил голову влево.

– Видите ли, – вежливо сказал он, – я должен рассказать вам то, что знаю, но вы не желаете рассказывать мне то, что знаете *вы*. Это вряд ли справедливо, сэр. Нет-нет, я не думаю, что мы можем вести дела в таком ключе.

Лицо Спейда побледнело и стало жестким. Он быстро заговорил тихим, яростным голосом:

– Подумайте еще раз, и думайте быстрее. Я уже сказал вашему сопляку, что вам придется все мне рассказать, прежде чем вас прикончат. А теперь скажу вам, что или вы сегодня же мне все выкладываете, или вам конец. Ради чего вы со своим паршивым секретом тратите мое время? Господи! Я вот точно знаю, что за барахло лежит в хранилищах казначейства, но какая мне от этого польза? Я без вас обойдусь, идите к чертовой бабушке! Может, и вы обошлись бы без меня, если бы держались от меня подальше. Но вы не можете. Только не в Сан-Франциско. Или вы в деле, или нет – и решите вы это сегодня.

Он развернулся и в гневе с размаху швырнул стакан на стол. Стакан ударился о дерево, разбился, его содержимое расплескалось, и сверкающие осколки разлетелись по столу и по полу. Спейд остался глух и слеп к этой катастрофе и развернулся снова лицом к толстяку.

Толстяк к судьбе стакана проявил не больше участия, чем сам Спейд: поджав губы, подняв брови и слегка склонив голову влево, он хранил розовощекую невозмутимость на протяжении всей гневной речи Спейда и сохранил ее сейчас.

А Спейд, кипя яростью, продолжил:

– И вот еще что...

Дверь слева от Спейда отворилась. Вошел парень, который впустил Спейда в номер. Он закрыл дверь, загородил ее, уперев руки в бока, и смотрел на Спейда широко открытыми, темными глазами с расширенными зрачками. Их взгляд скользнул по фигуре Спейда от плеч до колен и обратно, остановившись на носовом платке, бордовая кайма которого выглядывала из нагрудного кармана коричневого Спейдова пиджака.

– И вот еще что, – повторил Спейд, злобно глядя на мальчишку. – Отзовите своего бойца, пока принимаете решение, не то ему крышка. Мне он не нравится. Он меня нервирует. Я убью его, если снова попадется мне на глаза. И пикнуть не успеет. Я не дам ему ни единого шанса. Я его прикончу.

Губы недомерка дернулись в едва заметной улыбке. Он не поднял взгляд и не сказал ни слова.

Толстяк снисходительно произнес:

– Ну, сэр, должен сказать, вы чересчур вспыльчивы.

– Чересчур вспыльчив? – Спейд захохотал, как безумец. Он бросился к стулу, на котором оставил свою шляпу, схватил ее, нахлобучил на голову. Вытянул свою длинную руку и ткнул толстым указательным пальцем в Гутманову тушу. Его гневный голос заполнил все пространство комнаты. – Думайте, думайте хорошенько. У вас есть время до пяти тридцати вечера. Тогда либо вы в деле, либо исчезаете навсегда. – Он опустил руку, бросил сердитый взгляд на вежливого толстяка, затем на юнца и направился к двери, через которую вошел. Напоследок он обернулся и отрывисто сказал: – Пять тридцать, потом занавес.

Парень, глядя в грудь Спейда, повторил те три слова, что уже дважды произносил в вестибюле «Бельведера». Голос его звучал негромко. Но в нем слышалась злоба.

Спейд вышел, хлопнув дверью.

Глава 12

Карусель

С этажа Гутмана Спейд спустился на лифте. Губы у него были сухие и шершавые, а бледное лицо, наоборот, блестело от пота. Когда он вынул платок, чтобы вытереть лоб, то заметил, что рука у него дрожит. Усмехнувшись, он сказал: «Вот те на!», да так громко, что лифтер обернулся и спросил через плечо: «Что, сэр?»

Спейд пешком пошел по Гири-стрит до отеля «Палас», чтобы там пообедать. К тому времени, как он сел за стол, его лицо уже избавилось от бледности, губы – от сухости, а рука перестала дрожать. Он не спеша и с большим аппетитом поел, а затем направился в контору Сиды Уайза.

Он застал Уайза в его кабинете – тот сидел, глядя в окно, и в задумчивости грыз ноготь. Торопливо отдернув руку ото рта, он развернулся вместе с креслом лицом к Спейду и сказал:

– Привет. Бери стул и садись.

Спейд поставил стул сбоку от большого, заваленного бумагами письменного стола и сел.

– Миссис Арчер приходила? – поинтересовался он.

– Да. – В глазах адвоката мелькнул едва заметный огонек. – Ты женишься на этой леди, Сэмми?

Спейд раздраженно выдохнул через ноздри.

– Господи, и ты туда же! – проворчал он.

Мимолетная усталая улыбка на миг приподняла уголки губ мистера Уайза.

– А если нет, – сказал он, – то скоро хлопот не оберешься.

Спейд поднял глаза от сигареты, которую как раз сворачивал, и кисло спросил:

– А может, это ты их не оберешься? Впрочем, для того ты и нужен. Что она тебе рассказывала?

– О тебе?

– Обо всем, что я обязан знать.

Уайз провел пальцами по волосам, и его плечи обсыпала перхоть.

– Она сказала, что пыталась получить у Майлза развод, чтобы иметь возможность...

– Все это я знаю, – перебил его Спейд. – Можешь пропустить. Перейдем к той части, которую я не знаю.

– Мне же неизвестно, насколько она тебе...

– Хватит тянуть время, Сид. – Спейд поднес зажигалку с язычком пламени к сигарете. – Что она рассказала тебе из того, что скрыла от меня?

Уайз укоризненно посмотрел на Спейда.

– Ну, Сэмми, – начал он, – я же не могу...

Спейд воздел очи к потолку и простонал:

– Господи! И это мой собственный адвокат, который наживает на мне! А я должен на коленях молить, чтобы он мне хоть что-то поведал! – Он перевел взгляд на Уайза. – Черт побери, а для чего, ты думаешь, я ее к тебе отправил?

Уайз скорчил усталую гримасу.

– Еще один клиент вроде тебя, и я окажусь в дурдоме – или в тюрьме, – пожаловался он.

– И воссоединишься там с большинством своих клиентов. Она сообщила тебе, где была в ночь убийства?

– Да.

– И где же?

– Следила за Майлзом.

Спейд сел неестественно прямо и заморгал. Он недоверчиво воскликнул:

– Ох уж эти женщины! – А потом засмеялся, расслабился, сидя на стуле, и спросил: – Ну, и что она видела?

Уайз покачал головой:

– Ничего особенного. В тот вечер, вернувшись домой к ужину, Майлз, чтобы позлить ее, сказал, что встречается в «Сент-Марке» с какой-то девушкой и у нее есть шанс получить столь желанный развод. Сперва она решила, что он это назло ей. Он знал...

– Я в курсе истории этой семьи, – сказал Спейд. – Пропустим. Расскажи мне, что она сделала.

– Расскажу, если не будешь перебивать. После его ухода она подумала, что, возможно, свидание действительно состоится. Ты же знаешь Майлза. Это так на него похоже, вечно он...

– Подробности насчет привычек Майлза тоже можешь опустить.

– Да я вообще ни черта не обязан тебе рассказывать, – огрызнулся адвокат. – Так вот, она взяла из гаража свою машину, поехала к «Сент-Марку» и стала караулить, припарковавшись на противоположной стороне улицы. Выйдя из гостиницы, Майлз начал следить за мужчиной и девушкой – она сказала, что ту же самую девушку она видела с тобой прошлой ночью, – эта парочка покинула гостиницу незадолго до Майлза. Айва поняла, что муж на работе и просто дурачил ее. Полагаю, она была разочарована и зла – голос у нее был именно такой, когда она все это мне рассказывала. Она следила за Майлзом достаточно долго, чтобы убедиться: он и впрямь ведет наблюдение за той парочкой – а потом поехала к тебе на квартиру. Тебя дома не оказалось.

– В котором часу это было? – спросил Спейд.

– Когда она заходила к тебе домой? Где-то между половиной девятого и десятью вечера.

– В первый раз?

– Да. Она поехала по округе час-полтора и попыталась снова. Это было примерно в десять тридцать. Ты все еще отсутствовал, так что она вернулась в центр и отправилась в кино, чтобы убить время до полуночи, когда, как она считала, она скорее всего сможет застать тебя дома.

Спейд нахмурился:

– Она пошла в кино в десять тридцать вечера?

– По ее словам, в кинотеатр на Пауэлл-стрит, который открыт до часу ночи. Ей не хотелось идти домой, сказала она, потому что не хотелось оказаться там к приходу Майлза. Его всегда бесили ее поздние отлучки, особенно когда она возвращалась в районе полуночи. Она якобы оставалась в кино до закрытия. – Теперь речь Уайза стала медленнее, и в глазах его появился сардонический блеск. – Она решила больше не возвращаться в твою квартиру. Сказала, что не знала, понравится ли тебе, если она заявится так поздно. Так что она поехала в «Тейтс», что на Эллис-стрит, чтобы перекусить, а потом вернулась домой – одна.

Уайз откинулся на спинку кресла и ждал, пока Спейд заговорит.

Лицо Спейда было непроницаемо. Он спросил:

– Ты ей веришь?

– А ты нет? – ответил Уайз вопросом на вопрос.

– Откуда мне знать? Откуда мне знать, не сговорились ли вы повесить мне лапшу на уши?

Уайз усмехнулся:

– Ты нечасто обналичиваешь чеки для незнакомцев, да, Сэмми?

– Денег на ветер не швыряю. Ну, и что потом? Майлза ведь дома не оказалось? Как я понимаю, к тому времени перевалило за два ночи и он уже был мертв.

– Майлза дома не оказалось, – кивнул Уайз. – Это, похоже, разъярило Айву еще пуще – ей не удалось вернуться домой позже него и заставить его бесноваться, что жена до сих пор где-то шляется. Тогда она снова вывела из гаража машину и поехала к тебе.

– И меня тоже дома не оказалось. Я осматривал труп Майлза. Просто карусель какая-то, ей-богу. Что потом?

– Она вернулась домой, и мужа по-прежнему не было, а пока она раздевалась, твоя посланница принесла весть о его смерти.

Спейд с величайшей тщательностью свернул очередную сигарету, прикурил ее и только тогда заговорил снова.

– Думаю, это верная хронология. Согласуется со многими известными фактами. Должна совпасть.

Уайз снова запустил пятерню в волосы, вычесав оттуда новую порцию перхоти себе на плечи. Потом с любопытством взгляделся в лицо Спейда и спросил:

– Но ты в это не веришь?

Спейд вынул сигарету изо рта.

– Я не могу верить или не верить, Сид. Ведь я ни черта об этом не знаю.

Губы адвоката скривились в недоверчивой усмешке. Он устало подвигал затекшими плечами и сказал:

– Все верно – я продажная сволочь. Почему бы тебе не нанять честного адвоката – такого, которому ты мог бы доверять?

– Такие все повывелись. – Спейд встал. Он насмешливо посмотрел на Уайза. – Больно ты стал обидчив! Мне недосуг разводить тут с тобой политесы, без того забот по горло. В чем я провинился? Забыл преклонить колени, когда вошел?

Сид Уайз помимо воли улыбнулся.

– Ты настоящий сукин сын, Сэмми, – сказал он.

* * *

Эффи Перин стояла посреди приемной, когда Спейд вошел в контору. Она посмотрела на него встревоженными карими глазами и спросила:

– Что случилось?

Лицо Спейда окаменело.

– «Что случилось» где? – спросил он требовательно.

– Почему она не приехала?

Сделав два широких шага, он схватил Эффи Перин за плечи.

– Она не приехала к тебе? – гаркнул он прямо в ее испуганное лицо.

Она отчаянно замотала головой:

– Я ждала-ждала, а она так и не приехала. К тебе было не дозвониться, поэтому я пришла сюда.

Спейд отдернул руки от ее плеч и поглубже засунул их в карманы брюк.

– Еще одна карусель! – громко и рассерженно сказал он и зашел к себе в кабинет. Потом снова вышел. – Позвони матери, – приказал он. – Может, она уже появилась.

Пока девушка звонила домой, он расхаживал по кабинету туда-сюда.

– Нет, – сообщила она, повесив трубку. – А ты... ты ее на такси отправил?

Его ворчание, видимо, означало «да».

– Ты уверен, что она... Кто-то мог проследить за ней!

Спейд перестал метаться по кабинету. Он уперся кулаками в бедра, вперил в Эффи Перин сердитый взгляд и сказал громко и свирепо:

– Не было за ней хвоста. Я тебе что, чертов школьник? Я все проверил, прежде чем усадить ее в машину, и сам проехал с ней десяток кварталов, чтобы окончательно в этом убедиться, и еще полдюжины кварталов прошагал пешком в обратном направлении, когда вышел из такси.

– Да, но...

– Но она не приехала. Ты мне уже сказала об этом. Я тебе верю. Неужели ты думаешь, что я думаю, будто она приехала?

Эффи Перин фыркнула.

– Ты и в самом деле ведешь себя как чертов школьник, – сказала она.

Спейд издал хриплый горловой звук и бросился к выходу в коридор.

– Пойду и отыщу ее, пусть даже мне придется нырять за ней в канализацию, – сказал он. – Оставайся здесь, пока я не вернусь или не дам о себе знать. Бога ради, давай хоть что-то сделаем правильно.

Он выскочил в коридор, прошел полпути к лифту и повернул назад. Эффи Перин сидела за своим столом, когда он открыл дверь. Спейд сказал ей:

– Уж ты-то должна знать, что, когда я так разговариваю, не стоит обращать на меня внимания.

– Если ты думаешь, что я обратила внимание, то ты свихнулся, – ответила она. – Вот только... – Скрестив руки, она ощупала свои плечи, и губы ее задрожали. – Я теперь две недели не смогу надеть вечернее платье из-за тебя, тупой громила.

Он виновато улыбнулся.

– Стыд мне и позор, дорогая, – сказал он, отвесив преувеличенно галантный поклон, и снова вышел.

* * *

Спейд направился к стоянке такси на углу, где ждали две желтые машины. Водители болтали, стоя рядом с одним из автомобилей. Спейд спросил у них:

– А где сейчас такой румяный блондин, который торчал здесь в полдень?

– Взял клиента, – ответил один из шоферов.

– А он сюда вернется?

– Должен, вроде.

Другой водитель кивком указал на восток:

– Вон он, подъезжает.

Спейд пошел на угол и стоял у обочины, пока краснолицый блондинистый шофер не припарковался и не вышел из машины. Тогда Спейд подошел к нему и сказал:

– Мы ехали с вами от Стоктон по Сакраменто до Джонс, где я вышел, помните?

– Конечно, – ответил краснолицый, – припоминаю.

– Я велел вам отвезти даму в дом на Девятой авеню. Вы не доставили ее туда. Куда вы ее отвезли?

Шофер потер щеку чумазой рукой и с сомнением посмотрел на Спейда.

– Не хочу влезать не в свое дело.

– Здесь ничего такого, – уверил его Спейд, протягивая свою карточку. – Но если хотите подстраховаться, можем подъехать к вам в контору и уточнить, все ли в порядке, у вашего начальства.

– Пожалуй, это лишнее. Я отвез ее к паромной переправе.

– Одну?

– Ага. Одну.

– А по пути никуда ее не завозили?

– Нет. Дело вот как было: после того, как высадили вас на Сакраменто, мы доехали до Поулк – и тут она постучала в стекло и сказала, что хочет купить газету, так что я остановился на углу и свистнул мальчишке, и она взяла у него газету.

– Какую именно газету?

– «Колл». Потом мы снова выехали на Сакраменто, а на перекрестке с Ван-Несс она постучала опять и велела отвезти ее к переправе Ферри-билдинг.

– Она была взволнована, возбуждена?

– Ничего такого я не заметил.

– А когда вы подъехали к Ферри-билдинг?..

– Она расплатилась – вот и все.

– Кто-нибудь ждал ее там?

– Если кто и был, то я не видел.

– В какую сторону она пошла?

– От Ферри? Да не знаю я. Может, вверх по лестнице, а может, просто к лестнице.

– И газету забрала с собой?

– Ага. Засунула ее под мышку, когда расплачивалась.

– Розовой или белой страницей наружу?

– Ну, ей-богу, кэп, вот этого я не помню.

Спейд поблагодарил шофера и протянул ему серебряный доллар.

– Купи себе славного курева, – сказал он.

* * *

Приобретя экземпляр «Колл», он зашел в вестибюль офисного здания, чтобы изучить газету, спрятавшись от ветра.

Он пробежал глазами заголовки первой страницы, второй и третьей. Его взгляд задержался на секунду на шапке «Арестован предполагаемый фальшивомонетчик» на четвертой полосе, а потом на пятой – у заголовка «Пуля оборвала жизнь молодого человека». Шестая и седьмая страницы не вызвали у него ни малейшего интереса. На восьмой он на секунду заинтересовался заголовком «Три молодчика арестованы после ограбления со стрельбой», а потом – снова ничего, вплоть до страницы тридцать пятой, содержащей новости о погоде, доставке грузов, продуктах, финансах, разводах, объявления о рождениях, браках и смертях. Он проверил некрологи, пропустил тридцать шестую и тридцать седьмую страницы – биржевые сводки – и, не найдя ничего, за что мог бы зацепиться взгляд, ни на странице тридцать восемь, ни на последней полосе, вздохнул, сложил газету, засунул в карман пальто и свернул сигарету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.